

Trubetskoi, Evgenii Nikolaevich, kniaz'
Iz proshlago

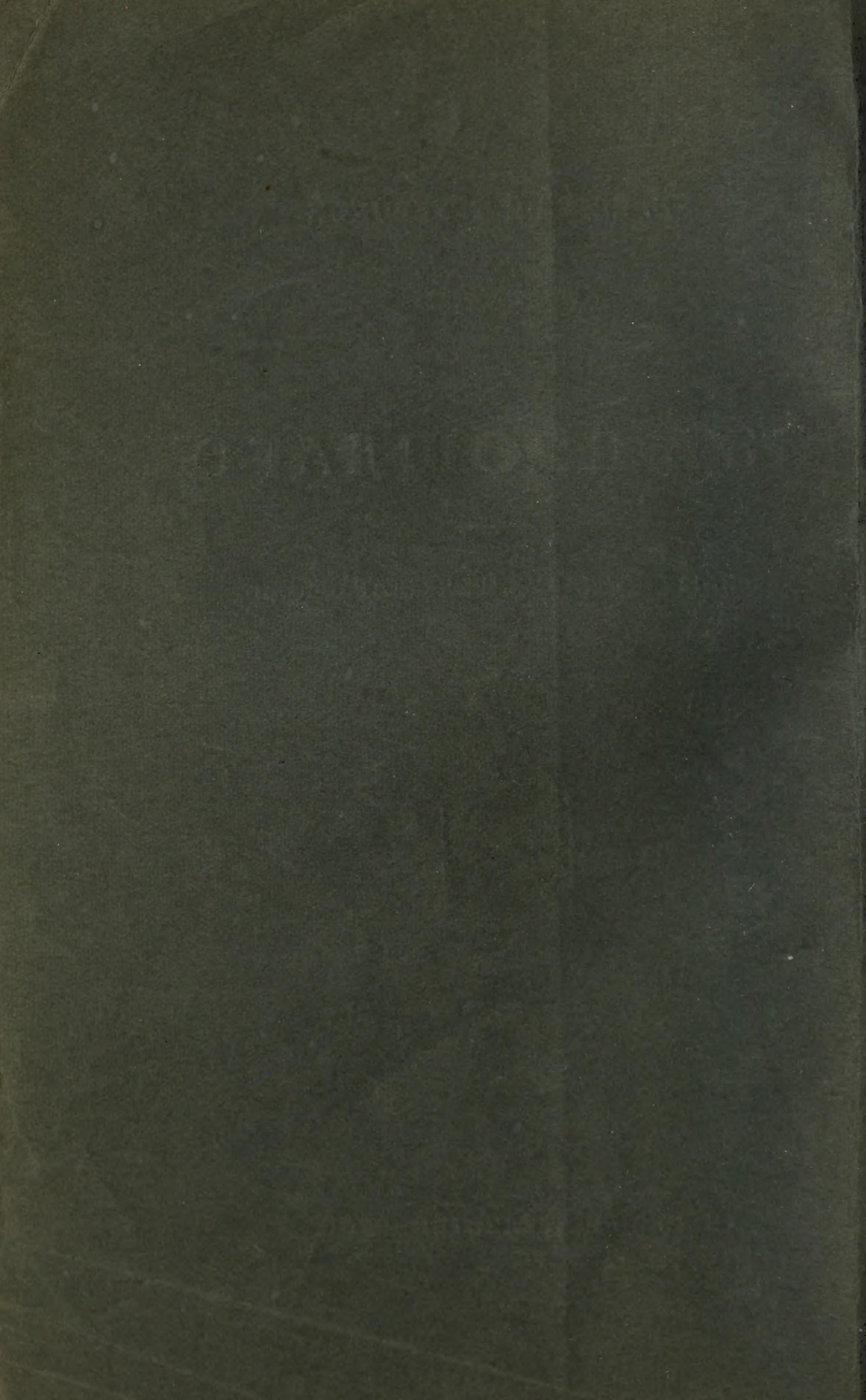
КН. ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

(СЪ 12 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“

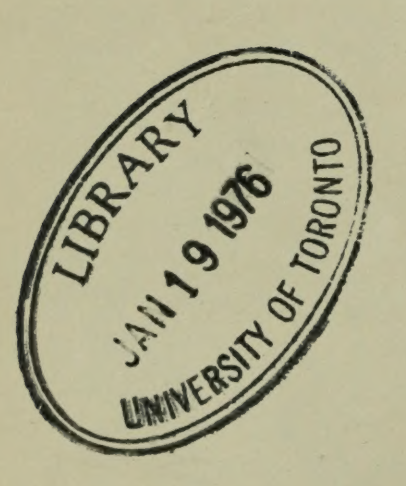
КН. ЕВГЕНІЙ ТРУБЕЦКОЙ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

(СЪ 12 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУСЬ“

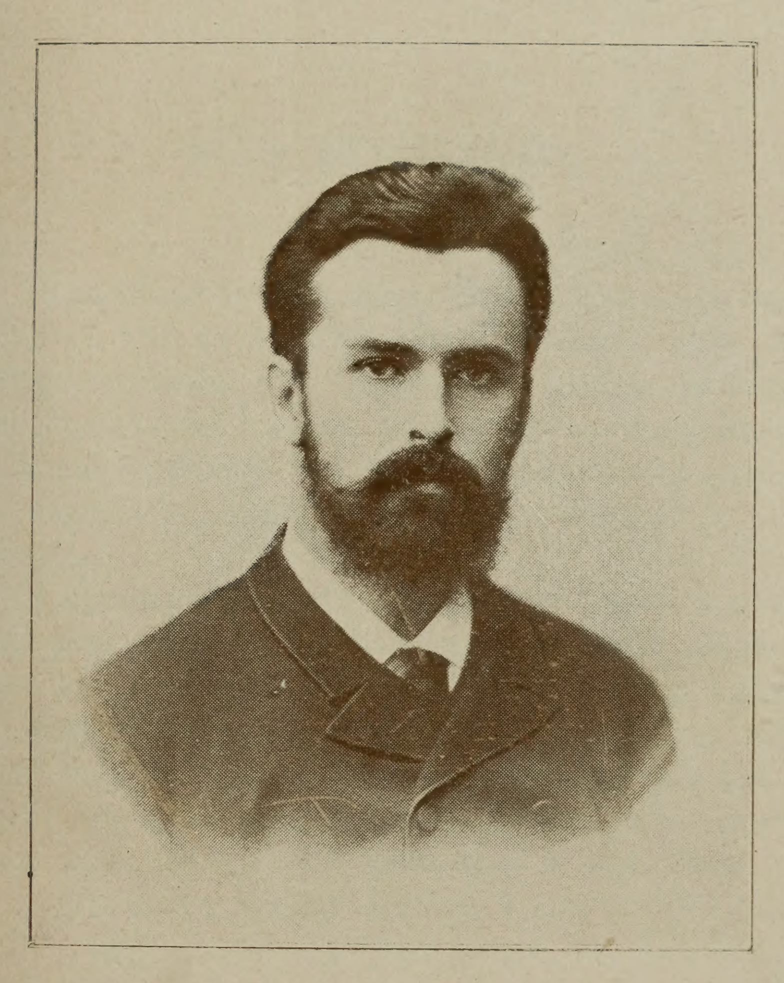
Типографія И. Штайнмана, Вѣна IX.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Какъ видно изъ начальныхъ строкъ выпускаемаго очерка „Изъ прошлаго", покойный кн. Е. Н. Трубецкой началъ писать его 1 марта 1917 года, въ самый разгаръ революціонныхъ дней. Пріѣхавъ въ Петроградъ для участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта въ качествѣ выборнаго Члена, онъ остановился, какъ и всегда, въ гостинницѣ „Франція" на Морской.

Эти страницы, написаныя почти въ одинъ присѣстъ и проникнутыя цѣльнымъ настроеніемъ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ на него воспоминаній о раннемъ дѣтствѣ, не предназначались для широкой публики. Покойный напечаталъ ихъ тогда же на правахъ рукописи только для членовъ многочисленной семьи своего отца.

Въ настоящее время семья покойнаго рѣшила, что, не погрѣшая противъ его памяти, она можетъ сдѣлать эти воспоминанія достояніемъ болѣе широкаго круга читателей, памятуя его же слова, что прошлое, о которомъ онъ говоритъ, „принадлежитъ не ему одному", что „оно — насквозь родное, русское".

Князь Евгеній Николаевичъ Трубецкой

Изъ прошлаго.

1 марта 1917 г.

Помнится, 23 года тому назадъ пришлось мнѣ ѣхать съ дѣтьми изъ Москвы въ Кіевъ; едва мы успѣли отъѣхать двѣ станціи, какъ мой, въ то время еще двухлѣтній, Сережа спросилъ, скоро ли Кіевъ. Когда ему отвѣтили, что Кіевъ будетъ только завтра, онъ сказалъ: „Мама, я хочу въ дѣтскую" и расплакался.

Я прошелъ уже пятьдесятъ три года жизненнаго пути; не знаю, долго ли еще придется „ѣхать", но во всякомъ случаѣ — куда меньше, чѣмъ ѣхалъ. И, однако, въ минуты душевной усталости, мнѣ также порой мучительно хочется въ дѣтскую, гдѣ было когда-то такъ свѣтло, такъ уютно и все было такъ полно любимыми и любящими. — Вотъ, хотя бы въ данную минуту, 1 марта 1917 года, когда я сижу у окна въ Петроградѣ, въ гостинницѣ и прислушиваюсь то къ лаю пулемета надъ самой крышей, подъ которой я живу, то къ крикамъ „ура" революціонной толпы, раздающимся на улицѣ. — Долго еще придется ѣхать Россіи, и мы не знаемъ, когда доѣдемъ и куда доѣдемъ. Эта неизвѣстность мучительна. Что же такое эта тоска по дѣтской,

которую я испытываю? Есть ли это проявленіе душевной слабости? Нѣтъ. Это иное, чрезвычайно сложное чувство.

Это — не бѣгство отъ настоящаго, а исканіе точки опоры для настоящаго. Настоящее темно, страшно, а главное, неизвѣстно. И вотъ почему хочется вспомнить это прошедшее, въ которомъ мнѣ было дано пережить такъ много свѣтлаго, хорошаго. Вѣдь это хорошее не мнѣ одному принадлежитъ. Оно — насквозь родное, русское. И вотъ теперь, въ дни ужаса передъ неизвѣстной далью, въ эпоху мучительныхъ сомнѣній въ Россіи, это прошлое, — помимо благодарности къ дорогимъ отшедшимъ, — источникъ вѣры въ русскую душу, святую, милую и любящую. Знаю, что многое въ пережитомъ мною принадлежитъ къ исчезающему и уже почти исчезнувшему дворянскому быту. Знаю и то, что на смѣну этому быту надвигается другая, новая Россія. Но есть и непреходящее въ томъ прошломъ. Есть безсмертная душа народа, которая — всегда одна, въ какія бы формы она ни облекалась. И вотъ почему связь съ дорогими отшедшими должна сохраняться всегда, какъ бы формы быта ни мѣнялись. Они любили Россію, они на нее надѣялись и въ нее вѣрили; думаю, что и теперь жива эта ихъ надежда, какъ и они сами живы. А потому я жажду ихъ духовнаго наслѣдія для этого настоящаго, котораго они не знали и не предвидѣли. И въ ихъ прошломъ, которое я вспоминаю, ищу неумирающаго.

□ □ □

I.

Ахтырка и дѣдушка Петръ Ивановичъ.

Я родился черезъ два года послѣ акта 19 февраля, въ 1863 году; у колыбели моей боролись два міра, и въ той средѣ, гдѣ протекало мое дѣтство, все говорило о ихъ встрѣчѣ. Внѣшнія рамки быта были живымъ напоминаніемъ о дореформенной Руси, но вмѣстѣ съ тѣмъ все содержаніе жизни было ново. И это новое содержаніе олицетворялось въ особенности однимъ образомъ, который былъ воплощеніемъ и средоточіемъ всего прекраснаго, что я видѣлъ въ моемъ дѣтствѣ. Этотъ образъ моей матери, кн. Софіи Алексѣевны Трубецкой *), въ особенности ярко выдѣлялся по контрасту съ образами людей старшаго поколѣнія: мои дѣдушки и бабушки были, какъ разъ наобротъ, — яркими воплощеніями старины.

Начну съ этой послѣдней.

Самое для меня дорогое и вмѣстѣ самое типичное въ той обстановкѣ, среди которой я росъ, было не Москвѣ, гдѣ мои родители проводили зиму, а въ нашей старинной фамильной подмосковной — Ахтыркѣ, гдѣ они жили лѣтомъ.

Это была величественная барская усадьба Empire, одинъ изъ архитектурныхъ chefs d'oeuvres начала XIX столѣтія. Усадьба эта и сейчасъ славится какъ одна изъ самыхъ дивныхъ подмосковныхъ стариннаго

---

*) Кн. С. А. Трубецкая, рожденная Лопухина родилась въ 1842 г., скончалась въ 1901 г.

типа. Какъ и всѣ старинныя усадьбы того времени, она больше была разсчитана на парадъ, чѣмъ на удобства жизни. Удобство, очевидно, приносилось тутъ въ жертву красотѣ архитектурныхъ линій.

Парадныя комнаты — залъ, билліардная, гостиная, кабинетъ были великолѣпны и просторны; но рядомъ съ этимъ — жилыхъ комнатъ было мало, и были онѣ частью проходныя, низенькія и весьма неудобныя. Казалось, простора было много — большой домъ, два флигеля, соединные съ большимъ домомъ длинными галлереями, все это съ колонами Empire и съ фамильными гербами на обоихъ фронтонахъ большого дома, двѣ кухни, въ видѣ отдѣльныхъ корпусовъ Empire, которые симметрически фланкировали съ двухъ сторонъ огромный дворъ передъ параднымъ подъѣздомъ большого дома. И, однако, по ширинѣ размаха этихъ зданій, помѣщеніе было сравнительно тѣснымъ. Отсутствіе жилыхъ комнатъ въ большомъ домѣ было почти полное. А флигеля съ трудомъ помѣщали каждый небольшую семью въ шесть человѣкъ. Когда насъ стало девять человѣкъ дѣтей, мы съ трудомъ размѣщались въ двухъ домахъ: жизнь должна была подчиниться... стилю. Она и въ самомъ дѣлѣ ему подчинялась. Характерно, что стиль этотъ распространялся и на церковь, также съ колонами, также Empire и какъ бы сросшуюся въ одно бытовое и архитектурное цѣлое съ барской усадьбой. Это была архитектура очень красивая, но болѣе усадебная, чѣмъ религіозная.

Въ раннемъ моемъ дѣтствѣ, когда еще былъ живъ мой покойный дѣдушка князь Петръ Ивановичъ

Ахтырка (домъ сожженъ въ 1920 г.)

Трубецкой*), онъ одинъ занималъ большой домъ, — а мы съ родителями моими ютились во флигелѣ. Кухни у насъ были раздѣльныя, мы обѣдали у дѣдушки въ опредѣленный день, всего разъ въ недѣлю и побаивались этого дня, потому что для насъ, дѣтей, этотъ обѣдъ... былъ слишкомъ стильнымъ. Дѣдушка былъ, хотя и добрый, но вспыльчивый, любилъ „манеры" и порой покрикивалъ, при чемъ вспышки эти вызывались иногда поводами самыми противоположными. Любилъ онъ, чтобы по утрамъ внучата приходили здороваться, показывалъ всегда одну и ту же игрушку — сигарочницу, деревянную избушку съ пѣтушками, при чемъ внуки должны были цѣловать руку. — Но однажды почему-то вдругъ раскричался: „Что это за лакейская манера цѣловать руку!" Цѣлованіе руки прекратилось, а дѣдушка сталъ обижаться — зачѣмъ дѣти руку не цѣлуютъ.

Хоть эти причуды сочетались съ большимъ добродушіемъ, все же онѣ устанавливали извѣстную дистанцію между нами и дѣдушкой, такую же дистанцію, какая была между нашимъ флигелемъ и большимъ домомъ. А потому все въ дѣдушкѣ, въ его большомъ домѣ и во всей обстановкѣ его жизни казалось намъ, дѣтямъ, торжественнымъ, таинственнымъ и нѣсколько страшнымъ.

Помню, какъ насъ, дѣтей, волновалъ и занималъ самый церемоніалъ его пріѣзда. Задолго до того времени, когда его ждали съ желѣзно-дорожной станціи, два дюжихъ парня влѣзали на зеленый куполъ большого дома, надъ которымъ красовался

*) Кн. Петръ Ивановичъ Трубецкой родился въ 1798 г., скончался въ 1871 г.

шпиль для флага. Оттуда открывался широкій видъ, и парни должны были зорко смотрѣть на мостъ, — въ верстѣ отъ усадьбы, — обозначавшій границу ахтырской земли. Флагъ долженъ былъ взвиться ровно въ ту минуту, когда старый князь переѣзжалъ черезъ эту границу. И горе парнямъ, если флагъ взвивался на нѣсколько секундъ раньше или позже. Тогда крику бывало много.

Внутри дома тоже все было парадно: мебель изъ корельской березы, не допускающая дурныхъ манеръ, ибо на ней нельзя развалиться, мебель какъ бы подтягивающая сидящаго на ней. Портретъ императора Александра Павловича въ пурпуровомъ одѣяніи и со звѣздой, съ царственнымъ жестомъ и съ любезно-кислой улыбкой. Огромное, въ ростъ человѣческій, изображеніе какого-то принца съ гончими собаками. Это — въ столовой. Но самое средоточіе парада было въ томъ кабинетѣ, гдѣ происходило цѣлованіе руки. Тамъ висѣли въ золотыхъ рамкахъ необычайно дурно намалеванные предки въ парикахъ, мужчины непремѣнно въ орденахъ и лентахъ, а одинъ въ какихъ-то латахъ. Всѣ — необычайно строгіе, покрытые копотью старины и выцвѣтшіе, что придавало имъ особенно чуждый и оффиціальный видъ. Помнится, я въ дѣтствѣ ихъ не выносилъ. И уже послѣ кончины дѣдушки, когда мы поселились въ большомъ домѣ въ качествѣ хозяевъ, я дважды выместилъ эту накипавшую годами непріязнь. Портретъ императора Александра Павловича я прострѣлилъ изъ лука, а съ одной изъ тетушекъ, самой кислой изо всѣхъ, я поступилъ еще болѣе жестоко. Однажды, я очутился съ нею съ глазу на глазъ, съ

заженной свѣчей въ рукахъ и . . . не могъ противостоять силѣ этого соблазна, поднесъ свѣчу къ носу. Какъ сейчасъ помню пузырьки, которые забѣгали по носу, и то смѣшанное со страхомъ наслажденіе, которое я при этомъ испыталъ. Послышавшіеся по сосѣдству шаги гувернантки спасли портретъ отъ окончательнаго разрушенія, мой грѣхъ остался тайной для взрослыхъ, а тетушка съ тѣхъ поръ такъ и стала ходить подъ прозваніемъ, даннымъ ей моимъ отцемъ, тетушки съ прожженнымъ носомъ.

Эти портреты, корельская мебель и огромная трубка стараго князя, которую онъ не могъ закурить безъ камердинера, такъ какъ для этого нужно было зажечь въ ней цѣлый костеръ, все это было будничнымъ парадомъ дѣдушки. Но кромѣ того у него былъ еще особый праздничный парадъ, который развертывался въ полномъ своемъ блескѣ 2 іюля, въ день престольнаго церковнаго праздника Ахтырской Богоматери и Ахтырскаго праздника.

Какъ я любилъ этотъ день! Съ утра появлялись на лугу между домомъ и церковью палатки, торговавшія сѣмячкомъ, пряниками и иными гостинцами для народа. Потомъ мы отправлялись къ обѣднѣ, въ церковь, гдѣ стояли на особомъ княжескомъ мѣстѣ, обнесенномъ балюстрадой. Весь день водились хороводы съ пѣснями, а къ вечеру народъ приходилъ къ большому парадному крыльцу, открытой терассѣ со ступеньками, гдѣ совершался торжественный выходъ дѣдушки къ народу, своего рода высочайшій выходъ.

Дѣдушка садился на кресло — смотрѣть, какъ мальчишки и парни лазили доставать подарки, навѣ-

шанные на высокія мачты, намазанныя мыломъ, гармоники, картузы, красные кушаки. Первые скользили, не долѣзали; наконецъ, при общемъ ликованіи, какой-нибудь догадливый парень натиралъ руки смолой и долѣзалъ. Когда всѣ подарки были сняты, начиналась раздача подарковъ бабамъ и дѣвкамъ — раздазались бусы, платки и ленты. Бабы выстраивались чинно въ рядъ, подходили по одной, цѣловали дѣдушкину руку, лежавшую на подушкѣ, а изъ другой руки получали подарокъ. Но при этомъ дѣдушка дарилъ только своимъ бывшимъ крѣпостнымъ изъ Ахтырки и Золотилова, двухъ его деревень. Какъ не спутать своихъ съ чужими? Для этого шеренга бабъ проходила къ дѣдушкѣ между двумя нашими бывшими кормилицами — Ѳеклой и Маріей, отъ которой получали аттестацію: „своя — чужая, своя — чужая“. Своей давались бусы, а чужой кормилицы давали въ шею. А въ это же время около бабъ увивался Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, домашній докторъ-акушеръ. Онъ игралъ тутъ двусмысленную роль придворнаго и увѣрялъ при этомъ, что ищетъ среди бабъ кормилицъ для дѣдушкиныхъ внучатъ. А мы въ это время кидали пряники въ народъ и забавлялись при видѣ толпы мальчиковъ, которые барахтались въ пескѣ, ловя пряники. Праздникъ заканчивался хороводами съ плясками или просто хороводами подъ визгливые звуки пѣсни:

„Да сляды мои, сляды,
Довяли меня сляды
До бядушки до бяды...“

Дѣдушка удалялся въ свои внутренніе покои, а мы въ свой флигелъ, но картина врѣзывалась въ память надолго. Вотъ и сейчасъ она у меня передъ глазами, словно я ее вечера видѣлъ.

Дѣдушка не только требовалъ, чтобы всѣ кругомъ подчинялись стилю, но онъ и самъ ему подчинялся, и оттого не было въ жизни большаго систематика. Разъ заведенный порядокъ повторялся у него изо дня въ день, изъ часа въ часъ. Все тѣ же часы вставанія, все та же каждодневная прогулка съ сидѣніемъ точно опредѣленнаго количества минутъ на названной въ его честь княжой скамейкѣ въ паркѣ. И никакая погода не была въ состояніи измѣнить этого обязательнаго для него расписанія.

Однажды въ холодный дождливый осенній день, моя мать сопровождала дѣдушку во время прогулки. Когда онъ, по обыкновенію, сѣлъ на княжую скамейку, она тоже хотѣла посидѣть вмѣстѣ съ нимъ, но онъ дрожащей отъ холода рукой вынулъ изъ кармана часы и, посмотрѣвъ на нихъ, сказалъ: „Allez, allez ma chère à la maison, je crains que vous vous refrodirez; quant à moi, je dois encore rester dix minutes sur ce banc.“

И досидѣлъ.

Но надо сознаться, что на ахтырскихъ скамейкахъ и въ самомъ дѣлѣ посидѣть хотѣлось — такъ все было живописно. А глазъ, привыкшій къ стилю, радовался тутъ на каждомъ шагу. Мостики, переброшенные черезъ ручьи, съ граціозными перилами въ березовой корѣ, круглая одноэтажная бесѣдка „грибъ“, двухъэтажная бесѣдка „эрмитажъ“ съ

мезаниномъ и перилами въ березовой корѣ, съ дивнымъ видомъ съ лѣсистаго холма на домъ, утопающій въ зелени на противоположномъ берегу рѣки, пристань для лодокъ въ стилѣ дома. Весь этотъ огромный садъ съ вѣковыми деревьями, березами, липами, тополями, соснами и елями былъ раскинутъ по холмамъ по обоимъ берегамъ рѣки Вори, запруженной и образующей въ Ахтыркѣ широкую водную поверхность съ островомъ по серединѣ, куда мы часто ѣздили на лодкѣ. Все это было съ любовью и съ удивительнымъ вкусомъ устроено моей прабабушкой *), матерью дѣдушки. И онъ, родившійся въ концѣ XVIII вѣка, увѣковѣчилъ ея память небольшимъ памятникомъ-колонкою на возвышеніи на берегу рѣки съ выгравированными стихами собственнаго сочиненія въ до Пушкинскомъ стилѣ.

Тебѣ, мать нѣжная, драгая,
Я памятникъ воздвигнулъ сей,
Чтобъ умъ твой, доблесть вспоминая,
Излить здѣсь гласъ души моей.
Ты мѣстность эту сотворила
Храмъ Божій, воды, домъ и садъ,
Саму природу побѣдила,
Всему давъ стройный дивный ладъ.
Вся жизнь твоя была сплетенье
Заботъ семейныхъ и трудовъ,
И здѣсь нашла ты развлеченье
У Вори милыхъ береговъ...

---

*) Кн. Иванъ Николаевичъ, умершій въ 1844 г., былъ женатъ на кн. Наталіи Сергѣевнѣ Мещерской, р. 28 янв. 1775 г., умерла 19 апр. 1852 г., похоронены въ Троицкой Лаврѣ въ семеймомъ склепѣ подъ Трапезной церковью.

Да будетъ въ вѣкъ же вспоминанье
Сей памятникъ дѣламъ твоимъ,
А мнѣ то сладостно сознанье,
Что сынъ воздалъ достойно имъ*).

Самое выраженіе чувствъ у дѣдушки было стильно. Чуство, какъ бы оно ни было сильно и естественно, все-таки должно было не выливаться само собою, а непремѣнно облекаться въ подобающія ему и предписанныя дѣдушкой формы. Въ данномъ случаѣ постановка памятника сопровождалась панихидой и молебствіемъ на открытомъ воздухѣ. Когда послѣ того памятникъ сталъ на сооруженный для него холмикъ изъ дерна, — „князь прослезился“, такъ разсказывали мнѣ его бывшіе дворовые.

Иногда, благодаря привычкѣ диктовать время, мѣсто и вообще форму чувства, трагическое сочеталось съ комическимъ. Моя бабушка — княгиня Эмилія Петровна**), жена дѣдушки, была дама властная, строгая и дѣловитая, — замѣчательная хозяйка и съ большимъ характеромъ. Все управленіе имѣніями лежало на ней, потому она постоянно разъѣзжала. Дѣдушка ее любилъ по своему, но больше побаивался, и особой близости между ними не было, почему онъ и предпочиталъ лѣтомъ отдыхать безъ нея одинъ въ Ахтыркѣ. Однажды, во

*) Новыми владѣльцами памятникъ этотъ былъ снятъ съ холма и перенесенъ къ церкви, гдѣ и находится въ настоящее время.

**) Рожд. графиня Витгенштейнъ-Берлебургъ. Отецъ ея — фельдмаршалъ графъ Петръ Христіановичъ пожалованъ княземъ. Мать — Антуанета Станиславовна Снарская.

время одной изъ своихъ поѣздокъ по имѣніямъ, бабушка внезапно скончалась гдѣ-то на почтовой станціи. Дѣдушка былъ сраженъ и самъ такъ о себѣ разсказывалъ: „Только я пріѣхалъ на ту станцію, тотчасъ спросилъ, гдѣ то кресло, на которомъ она, матушка моя, скончалась, опустился на то кресло и зарыдалъ". Лица, сопровождавшія его, передавали что разсказъ былъ не совсѣмъ точенъ: дѣдушка, очевидно, ѣхалъ на станцію съ намѣреніемъ поступить такъ, какъ онъ разсказывалъ. Но при исполненіи его намѣренія произошла ошибка. Ему сказали: „Ваше сіятельство, не на то изволили кресло сѣсть." Дѣдушка разсердился, накричалъ на на всѣхъ, потребовалъ „то самое кресло" — и все-таки исполнилъ задуманное, — опустился и зарыдалъ.

Дѣдушка, разумѣется, не притворялся. Онъ такъ входилъ въ роль, что искренно себя обманывалъ. И это ему поразительно удавалось. Однажды случилось съ нимъ горе менѣе трагическое, но все-таки горе. Служа сенаторомъ въ одномъ изъ московскихъ департаментовъ сената (въ концѣ 60 годовъ еще были такіе), онъ носилъ свой генеральскій мундиръ и золотую шашку „за храбрость". Тяжело было старому николаевскому генералу, когда вышло какое-то разъясненіе, въ силу коего онъ долженъ былъ облечься въ штатское. Помнится, и насъ дѣтей смущалъ этотъ непривычный видъ дѣдушки въ сюртукѣ. А каково было ему, старику, когда солдаты и офицеры на улицахъ перестали отдавать ему честь. Начались хлопоты и онѣ увѣнчались успѣхомъ. Когда разрѣшили мундиръ, радость была большая. Но въ міровоззрѣніи дѣдушки

радость, какъ и всякое другое чувство, подчинялась общей жизненной архитектурѣ, опредѣленному строю и порядку чувствъ. Самое настоящее мѣсто радости было въ день его рожденія; но затрудненіе заключалось въ томъ, что телеграмма о возвращеніи мундира пришла нѣсколькими днями раньше.

Дѣдушка сдѣлалъ усиліе и умудрился на нѣсколько дней скрыть отъ самого себя радостное извѣстіе. Въ день рожденія былъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали дѣти и многочисленные родные. Всѣ знали про телеграмму, но никто не смѣлъ о ней обмолвиться. Дѣдушка обѣдалъ въ штатскомъ и горько жаловался: „Вотъ какія времена настали, совсѣмъ житья нѣтъ на свѣтѣ, не цѣнятъ боевыхъ заслугъ стараго генерала, долженъ кончать жизнь въ штатскомъ“. — Эти слова были предисловіемъ къ подачѣ шампанскаго, а съ шампанскимъ вмѣстѣ подали и телеграмму, послужившую сигналомъ къ поздравленіямъ и общей шумной радости.

Помнится, и люди, населявшіе нашъ ахтырскій міръ, были такъ же стильны, какъ и самъ дѣдушка. Бывало, мы, дѣти, въ сопровожденіи гувернантки-француженки выходимъ гулять мимо кухни и слышимъ какой-то интригующій дѣтское любопытство стукъ въ ступкѣ или дробь ножей, рубящихъ котлету. А на любопытный дѣтскій вопросъ, что это готовятъ, поваръ Максимъ Андреичъ, выученикъ француза, и потому любившій щеголять иностранными словами, бывало, отвѣчаетъ: — „Букенбродъ, прямо класть въ ротъ.“ — „А что такое букенбродъ?“, раздаются дѣтскіе голоса. — „Се тре журавли, мусью“, слы-

шится отвѣтъ при дружномъ дѣтскомъ хохотѣ. — Еще типичнѣе Максима былъ карликъ Игнаша, шестидесяти лѣтъ, неизмѣнно пріѣзжавшій съ дѣдушкой въ Ахтырку и стрѣлявшій щукъ изъ крошечнаго ружья, спеціально для него заказаннаго. Этого Игнашу я отлично помню, но изъ разсказовъ знаю, что еще раньше, въ крѣпостную эпоху, у дѣдушки была и карлица, спеціально подобранная къ Игнашѣ пара. Старшіе разсказывали, что однажды за пасхальнымъ столомъ дѣдушка приготовилъ бабушкѣ сюрпризъ: на столѣ красовались два огромныхъ кулича, изъ которыхъ затѣмъ, при звукѣ музыки, вышли спрятанные тамъ Игнаша и карлица. Къ этимъ типамъ слѣдуетъ присоединить еще многочисленныхъ нашихъ обожающихъ кормилицъ, настоящихъ и бывшихъ, да сѣдого какъ лунь, полуслѣпого кучера Родіоныча, человѣка еще екатерининской эпохи, который по старости и дряхлости могъ управлять дрожащими руками только парой „рыженькихъ", столь же ветхихъ, какъ и онъ, коней, и выѣзжалъ на какомъ-то невообразимомъ старинномъ фаэтонѣ, больше для декорума или въ тѣ дни нашихъ пріѣздовъ въ Ахтырку, когда для встрѣчи на станціи мобилизовались всѣ наши перевозочныя средства.

Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ этотъ стиль уже не гармонировалъ съ окружающимъ. Вся жизнь перестраивалась заново, вслѣдствіе чего симметрія дѣдушкина стиля подвергалась постояннымъ вынужденнымъ нарушеніямъ со стороны, и это оскорбляло старика. Онъ пылилъ, покрикивалъ, но, покричавъ, тутъ же добродушно успокоивался, ми-

рился на томъ, что хоть въ Ахтыркѣ не было „новаго“. Но на пути къ Ахтыркѣ все было ново; и къ ужасу дѣдушки безъ новаго нельзя было обойтись, потому что оно было удобно. Прежде всего новое олицетворялось Московско-Ярославской желѣзной дорогой, которая прошла черезъ станцію „Хотьково“ въ пяти верстахъ отъ его имѣнія.

Дѣдушка съ мѣста разсердился. — „Какъ это, — бывало ѣду, когда хочу въ Ахтырку, а теперь и въ свое имѣніе долженъ ѣхать непремѣнно въ два часа дня, когда прикажутъ, по какой-то чугункѣ“. Но возможностью ѣхать на лошадяхъ онъ все-таки не пользовался; однако при этомъ онъ не мирился съ необходимостью прибыть на мѣсто къ опредѣленному сроку. Ѣдучи назадъ въ Москву, онъ, бывало, говорилъ кондуктору: „Скажи, любезный, машинисту, чтобы скорѣе ѣхалъ, а то я опоздаю въ сенатъ.“ Кондуктора знали старика, брали на чай и говорили: „Слушаюсь, ваше сіятельство.“ Особенно непріятно было то, что не всегда можно было имѣть отдѣльное купе I класса, и со старикомъ заговаривали незнакомые пассажиры. — „Гдѣ изволите служить, ваше превосходительство?“ — „Вы спрашиваете, гдѣ я служу, — вы спросите гдѣ мнѣ служатъ! Въ правительствующемъ сенатѣ, милостивый государь.“

По пути со станціи Хотьково дѣдушку раздражало другое, также новое удобство, — шоссе, по которому приходилось ѣхать почти до самой Ахтырки вмѣсто прежней отвратительной допотопной дороги. Не самое шоссе какъ таковое его раздражало, а тотъ фактъ, что оно было построено богатымъ коммер-

сантомъ, А. Н. Голяшкинымъ — сыномъ разбогатѣвшаго откупщика: онъ купилъ въ верстѣ отъ Ахтырки бывшую дворянскую усадьбу „Жучки“ и провелъ туда шоссе, которое оказалось намъ по дорогѣ. „Какъ,“ говорилъ дѣдушка, „я долженъ ѣхать въ свое имѣніе по шоссе, построенному какимъ-то Голяшкой?“ — и все-таки ѣхалъ.

Въ архитектурѣ дѣдушкина жизненнаго уклада жизнь пробила бреши и болѣе серьезныя. Правильность линій этой архитектуры была нарушена тѣмъ самымъ споромъ „отцовъ и дѣтей,“ о которомъ писалъ въ шестидесятыхъ годахъ Тургеневъ. Его младшій сынъ — мой дядя Павелъ Петровичъ *) — былъ въ молодости своей „вольнодумцемъ“ какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ значеніи слова, и на этой почвѣ происходили частыя столкновенія между нимъ и дѣдушкой, который не переваривалъ „длинноволосыхъ.“ Дѣдушка, бывало, начнетъ ругать мировыхъ судей, мировыхъ посредниковъ и „всѣхъ прочихъ нигилистовъ“ за непочтительное отношеніе къ начальству; дядя Паша заступается, указывая, что „теперь формы отношеній съ начальствомъ вообще упростились и измѣнились къ лучшему.“ А дѣдушка какъ крикнетъ въ отвѣтъ: — „Пашка, бѣглый дьяконъ, Гарибальди!“ — Смущали его и манеры „дяди Паши“, также слишкомъ простыя для стиля, а потому не мирившіяся со старыми понятіями. Однажды дядя Паша за кѣмъ-то ухаживалъ и повезъ своему предмету изъ Ахтырки гостинецъ — корзинку свѣжихъ огурцовъ. Дѣдушка огорчился: „Вотъ какъ нынче молодежь ухаживаетъ; бывало,

*) Кн. Павелъ Петровичъ скончался въ 1889 г.

мы то въ молодости, персики поднесемъ, шампанское изъ башмачка нашей дамы выпьемъ, а Пашка... огурцы своей дамѣ повезъ!" Но дальше крика и огорченія ни въ отношеніи къ дѣтямъ, ни въ отношеніи къ подвластнымъ, сколько я знаю, у дѣдушки не доходило. Дѣдушка былъ столь же отходчивъ, сколь и вспыльчивъ, — подчасъ сердитъ, а подчасъ — сентименталенъ. Въ сущности въ немъ была очень добрая сущность въ строгой, старо-дворянской и генеральской формѣ. Нельзя ему поставить въ вину того, что эта форма — старо-дворянскій стиль — въ его жизни преобладала надъ содержаніемъ. Это — типическая черта той дворянской русской старины, коей онъ былъ яркимъ олицетвореніемъ.

II.

Лопухины.

Чтобы понять то новое, что внесла въ Ахтырку собственно наша семейная жизнь, — надо остановиться теперь на семьѣ Лопухиныхъ, изъ которыхъ происходила моя мать. Это была также старо-дворянская типическая семья, но совершенно въ другомъ стилѣ. Въ стилѣ этомъ не было княжескаго „великолѣпія,“ не было той ширины барскаго размаха, какъ у дѣдушки Петра Ивановича, но за то было несравненно больше свободы. А, главное, была недостающая старому поколѣнію Трубецкихъ душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность и та очаровательная старо-дворянская уютность жизни, которая нашла себѣ геніальное изображеніе въ семействѣ Ростовыхъ толстовскаго романа.

Тутъ дѣдушка и бабушка были совсѣмъ другіе. „Дистанціи“ между нами и ими не было никакой. Они въ своихъ внучатахъ души не чаяли и баловали, какъ могли. Дѣдушкѣ Трубецкому мы говорили „вы“, а съ дѣдушкой и бабушкой Лопухиными были на „ты“. И никакихъ „формъ“ въ нашихъ къ нимъ отношеніяхъ не полагалось. Мы также обожали „дѣдушку и бабушку Лопухиныхъ“, но не допускали съ ихъ стороны отказа ни въ чемъ. Когда однажды я до того расшалился, что и дѣдушка вынужденъ былъ вступиться за дисциплину, я назвалъ

его дуракомъ, за что тутъ же былъ отшлепанъ. Это было однимъ изъ моихъ первыхъ большихъ разочарованій въ жизни. Какъ, этотъ дѣдушка, который съ такой любовью глядитъ мнѣ въ глаза, тыкаетъ мнѣ пальцемъ въ животъ и говоритъ мнѣ такъ ласково — „пузикъ милый“ — этотъ самый дѣдушка вдругъ дерется! И я заплакалъ — не отъ боли, конечно, потому что шлепка была „отеческая“, а отъ оскорбленія. А дѣдушка меня расцѣловалъ и утѣшилъ зажигательнымъ стекломъ, которымъ онъ тутъ же къ великой моей радости прожегъ бумагу.

Яркимъ былъ въ своемъ родѣ типомъ и этотъ дѣдушка Алексѣй Александровичъ. Помнится, мы, дѣти почти всегда заставали его лежащимъ въ постели. Цѣлыми недѣлями онъ не вставалъ, и мы считали его больнымъ. Но, ничуть не бывало, дѣдушка былъ совершенно здоровъ. Вдругъ, безо всякаго повода, онъ на нѣсколько недѣль вставалъ, а потомъ опять ложился. Впослѣдствіи я узналъ, что это періодическое лежаніе вызывалось глубокой и непонятной намъ дѣтямъ трагедіей. „Болѣзнь“, періодически заставлявшая дѣдушку ложиться, была чѣмъ-то вродѣ паралича воли, и была она вызвана, какъ это ни странно, — актомъ 19-го февраля. До этого времени дѣла его шли недурно; судя по разсказамъ моихъ тетей — его дочерей, смутно понимавшихъ дѣловую сторону жизни, при крѣпостномъ правѣ „все дѣлалось само собою, сами собою получались и доходы“, а послѣ этого дѣдушкѣ выпала задача — самому приняться за устройство своего хозяйства. Онъ пришелъ въ полную прострацію и, подавленный сознаніемъ своей без-

помощности, „превратился въ какого-то Обломова“. Управляющіе воровали, доходы не получались, дѣла „сами собою приходили въ разстройство“, а дѣдушка уединялся съ тяжелыми думами въ своей кровати. Въ такомъ душевномъ состояніи, мы, дѣти, были для него спасеніемъ. И въ особой къ намъ нѣжности, кромѣ его любящаго сердца, сказывалась и вся боль изстрадавшейся души.

Впрочемъ съ такою же любовью относились къ намъ и всѣ въ домѣ Лопухиныхъ — и бабушка, и тети, и старушка — няня моей матери — Секлетея Васильевна изъ бывшихъ дворовыхъ — представительница исчезнувшаго теперь типа „пушкинской няни“. Для моихъ незамужнихъ тетей ихъ племянники и племянницы были едва ли не единственнымъ интересомъ въ ихъ жизни, что и не удивительно, такъ какъ только въ насъ онѣ могли найти удовлетвореніе присущему всякой женщинѣ материнскому чувству.

Весь жизненный укладъ лопухинской семьи былъ совершенно и во всемъ противоположенъ укладу трубецковскому. Прежде всего у нихъ было совершенно иное отношеніе къ дому. Домъ, городской и деревенскій, былъ для нихъ не мѣстомъ парада, — а уютнымъ и теплымъ семейнымъ гнѣздомъ. И самая архитектура домовъ вполнѣ соотвѣтствовала этому ихъ назначенію. Въ Москвѣ это былъ сѣренькій деревянный домъ старосвѣтско-помѣщичьяго типа на Молчановкѣ, съ мезаниномъ и уродливыми гипсовыми сфинксами на крыльцѣ; мы, дѣти, разумѣется, садились на нихъ верхомъ. (Домъ этотъ, нынѣ при-

Меньшово

надлежащій Н. А. Хомякову, къ сожалѣнію принялъ болѣе городской видъ, и сфинксы, столь любимые мною въ дѣтствѣ, исчезли). Стиль средней руки барскаго дома первой половины XIX столѣтія выражался въ особенности въ сѣрыхъ мраморныхъ колоннахъ въ кабинетѣ и въ спальнѣ. Въ подмосковной Лопухиныхъ — Меньшовѣ имѣлось два свѣтленькихъ деревянныхъ помѣщичьихъ домика съ мезанинами на холмѣ надъ рѣчкой. Контрастъ съ ахтырскимъ домомъ былъ, разумѣется, полный: тотъ былъ великолѣпенъ, тогда какъ эти были миловидны и уютны. Да и мѣстность меньшовская, съ маленькой неглубокой рѣчкой, со смѣющимися, словно умытыми березовыми лѣсочками, была въ полной гармоніи съ домомъ и являла собой яркій контрастъ съ могучими елями и соснами ахтырскаго парка. Все въ домахъ было просто, и ни о какихъ „высочайшихъ выходахъ“ въ подобной обстановкѣ, разумѣется, не могло быть рѣчи. Также и въ паркѣ съ небольшими живописными овражками, со сколоченными на живую нитку мостиками, не было ни бесѣдокъ, ни какихъ бы то ни было затѣй, но за то все вмѣстѣ было безконечно мило, уютно и жизнерадостно тѣмъ болѣе, что и строгихъ ликовъ предковъ не висѣло по стѣнамъ. Тутъ не было ничего, что бы могло возбуждать въ ребенкѣ хулиганско-анархическаго чувства протеста.

И, странное дѣло, я помню уже четыре поколѣнія въ Меньшовѣ; за это время два раза все тамъ перестраивалось, такъ что изъ остатковъ двухъ домовъ составился одинъ, мѣнялись и фамиліи владѣльцевъ, потому что Меньшово переходило по

женской линіи. И тѣмъ не менѣе — меньшовскія традиціи и меньшовскій укладъ жизни — все тотъ же. Все такъ же Меньшово полно милой, веселой, жизнерадостной, преимущественно женской молодежью. Все та же тамъ атмосфера открытаго дома, куда пріѣзжаютъ запросто, безъ соблюденія строгихъ и тяжеловѣсныхъ формъ. Все такъ же всѣ комнаты всегда неизмѣнно полны гостей, переполняющихъ домъ до послѣднихъ предѣловъ вмѣстимости. Все такъ же среди гостей преобладаютъ молодые люди, привлекаемые женской молодежью. Сколько тамъ влюблялись и женились! Говоря словами одной умершей московской старушки, богъ Amor гостилъ тамъ часто, если не непрерывно. Нужно ли говорить, что въ Меньшовѣ, среди невообразимаго гама и всегдашней суматохи непрерывныхъ пріѣздовъ и отъѣздовъ, было трудно чѣмъ-либо серьезно заниматься. Тамъ преобладала атмосфера какого-то непрерывнаго весенняго праздника цвѣтенія молодости; поколѣніе очаровательныхъ дѣтей, которые затѣмъ выростали, чтобы снова возобновлять все ту же традицію весело влюбленнаго шума. Я былъ въ Меньшовѣ въ первый разъ пяти лѣтъ отъ роду и сохранилъ на всю жизнь впечатлѣніе весенной грезы, которая потомъ возобновилась, когда я пріѣхалъ туда юношей, возобновляется и теперь, когда я тамъ бываю. А мнѣ уже давно пошелъ шестой десятокъ.

Когда я познакомился съ Меньшовымъ, цвѣтеніе моихъ тетей Лопухиныхъ уже приходило къ концу. Это было уже во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Тогда, какъ и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ,

Меньшово

это цвѣтеніе не было пустоцвѣтомъ. Сопоставляя меньшовскую вольницу съ ахтырскимъ стилемъ дѣдушки Петра Ивановича, я не могу не видѣть, что именно эта меньшовская вольница и веселость, вторгшаяся потомъ и въ Ахтырку, подготовила чрезвычайно важный переломъ въ жизнепониманіи. Свободное отношеніе отцовъ и дѣтей, внуковъ и дѣдовъ облегчало переходъ отъ старой Россіи къ новой. Семья Лопухинныхъ въ шестидесятыхъ годахъ была куда современнѣе, чѣмъ семья Трубецкихъ. Благодаря этому и споръ отцовъ и дѣтей здѣсь проявился въ другихъ формахъ, несравненно болѣе мягкихъ: несмотря на этотъ споръ, разстояніе между поколѣніями все-таки не превращалось въ пропасть.

Нигилистовъ и вольнодумцевъ между моими дядями Лопухиными не было; но характерно, что въ отличіе отъ дядей Трубецкихъ, которые всѣ начинали свою службу въ гвардіи, мои дяди Лопухины всѣ были судебными дѣятелями, при томъ либеральными: мягкая душа и гибкій умъ Лопухиныхъ сразу восприняли обликъ „эпохи великихъ реформъ." Благодаря этому вся атмосфера, въ которой мы выросли, была пропитана тогдашнимъ либерализмомъ особаго, судебнаго типа. „Нигилистъ", сколько мнѣ извѣстно, былъ всего одинъ — не между дѣтьми, а между племянниками дѣдушки Лопухина. Это былъ мой дядя — Д. П. Евреиновъ, человѣкъ даровитый и пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди молодежи. Но и тутъ столкновеніе противоположныхъ жизнепониманій облеклось въ добродушно-мягкія формы. Бабушка В. А. Лопухина, встрѣтивъ однажды

на улицѣ этого племянника, окруженнаго молодыми поклонниками, привстала въ своей коляскѣ и низко ему поклонилась; онъ былъ нѣсколько сконфуженъ, но, разумѣется, не сраженъ этой ироніей. Столкновенія и споры съ дѣтьми имѣли еще болѣе невинный характеръ и происходили большею частью на почвѣ воззрѣній національныхъ и классовыхъ. Въ то время въ Москвѣ уже гремѣла слава Н. Г. Рубинштейна, который былъ не только великимъ виртуозомъ-піанистомъ, но и неотразимо обаятельною личностью. Вся московская молодежь, въ особенности женская и въ частности лопухинская, имъ очень увлекалась; а бабушка принимала равнодушно-достойный видъ и при добродушно-веселомъ протестѣ дочерей дѣлала свои размышленія вслухъ: „что такое этотъ Рубинштейнъ, какой-то жидъ!“

Острота столкновеній, быть можетъ, ослаблялась и тѣмъ, что безпечно веселое молодое поколѣніе Лопухиныхъ большею частью не проникало взоромъ вглубь жизненныхъ отношеній. Въ патріархальномъ укладѣ семьи Лопухиныхъ, какъ я ее помню — все было полно воспоминаній о только что минувшемъ прошломъ крѣпостной Россіи. Я помню, напримѣръ, неестественное множество лакеевъ во фракахъ въ московской передней лопухинскаго дома. Ихъ было слишкомъ много, они были сплошь да рядомъ ничѣмъ не заняты и вязали чулки въ передней. Дѣдушка не умѣлъ и не могъ сократить въ чемъ-либо привычный образъ жизни, а потому и не разставался съ лишней прислугой изъ бывшихъ дворовыхъ, что и было одной изъ причинъ его прогрессирующаго раззоренія. Все это было невинно, но была и другая

только что минувшая эпоха, когда этихъ же бывшихъ дворовыхъ сѣкли.

При всей своей добротѣ, дѣдушка Лопухинъ былъ сыномъ своего времени, онъ былъ убѣжденъ въ своей отеческой власти надъ дворовымъ, которая обязывала его сочетать любящую доброту со строгостью. И, въ случаяхъ исключительно тяжелой вины, онъ приговаривалъ къ сѣченію. „Дѣти" этому, разумѣется, не могли сочувствовать. Но въ семьѣ Лопухиныхъ было одно существо — головою выше своихъ братьевъ и сестеръ, — превосходившее всѣхъ и даровитостью природы, и въ особенности глубиною своего сердца. Это была моя мать.

Она росла свободно, весело вмѣстѣ съ другими среди лопухинской вольницы. Одинъ холмъ въ Меньшовѣ до сихъ поръ называется въ ея честь „Сониной горой", потому что она тамъ однажды, дѣвочкой, ускользнувъ отъ надзора старшихъ, вскочила верхомъ на неосѣдланную крестьянскую лошадь и на ней носилась по горѣ. Но общая веселость и жизнерадостность лопухинскаго облика въ ея душѣ совмѣщалась съ тѣмъ горѣніемъ духовнымъ, которое у ея братьевъ и сестеръ давало только искры, а у нея разгорѣлось въ пламя.

Тотъ первый случай, когда она узнала, что двороваго повели сѣчь, былъ для нея днемъ глубокаго душевнаго потрясенія. Это была цѣлая буря негодованія, бунтъ противъ отца, сопровождавшійся безсонными ночами, проведенными въ рыданіяхъ. Надолго она почувствовала отъ него отчужденіе; въ лопухинской семьѣ это былъ, сколько я знаю, единственный случай отчужденія, столь глубокаго.

Чтобы преодолѣть это отчужденіе, понадобилось то высшее духовное развитіе и та душевная широта, которая дала впослѣдствіи ей возможность понять, что это сѣченіе было не столько личною виною дѣдушки, сколько общей виною его среды и притомъ виною унаслѣдованною.

Это не былъ мозговой, холодный „либерализмъ", потому что мозговой разсудочности и холода въ Мама вовсе и не ночевало. Это была душа — та самая душа, которая потомъ одухотворила и Ахтырку, наполнила невѣдомой раньше благодатью красивыя архитектурныя формы ея усадьбы и мѣстности, сотворенной другой любящею материнскою рукою. Черезъ нее совершилось то вторженіе Меньшова въ Ахтырку, которымъ была создана вся духовная атмосфера нашего дѣтства и отрочества. Но въ то же время это было и преображеніе самого Меньшова, потому что Мама была куда серьезнѣе, сильнѣе и глубже средняго меньшовскаго уровня.

III.

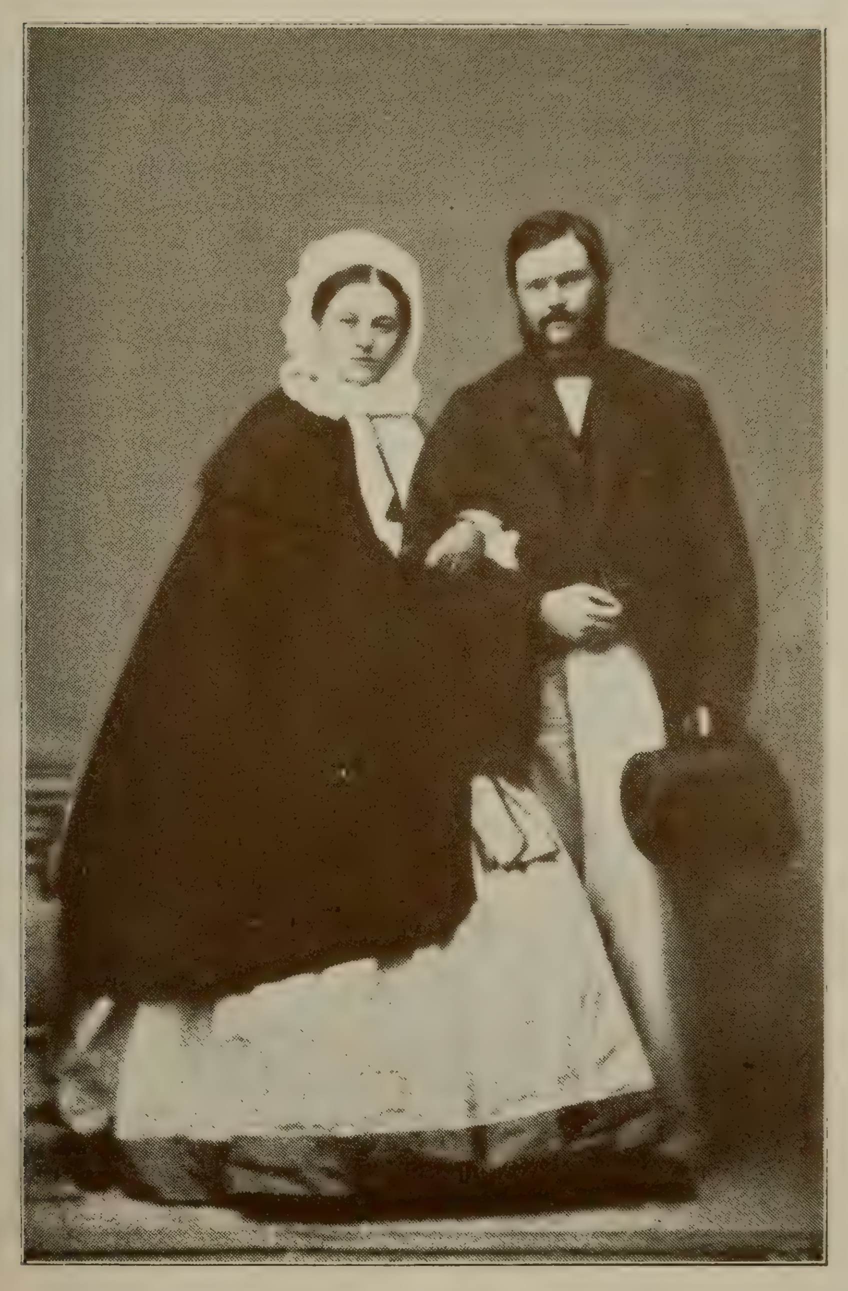
Папа и Мама въ Ахтыркѣ.

Что это была за духовная атмосфера?

Можетъ быть, это самообманъ, можетъ быть, это только мое личное ощущенiе, но мнѣ и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ нашего послѣдняго отъѣзда изъ Ахтырки, кажется, что мы тамъ дышали благодатью, словно благодатью былъ тамъ полонъ каждый глотокъ воздуха.

Помню четыре кроватки въ дѣтской, въ очень раннемъ моемъ дѣтствѣ, когда мы, мальчики, еще не были отдѣлены отъ сестеръ; на кроваткахъ — кисейныя занавѣски отъ комаровъ и образочки. Въ открытое окно врываются всякiе вечернiе деревенскiе звуки, — однообразный и какъ бы скрипичный унисонъ комаровъ, протяжная верхняя нота пѣсни вдали, рѣдкiй и тѣмъ болѣе таинственный ударъ церковнаго колокола; а надо всѣмъ этимъ — громкое утвержденiе радости жизни, — цѣлая симфонiя, исполняемая оркестромъ многочисленныхъ стрижей, вылетавшихъ на закатѣ изъ гнѣздъ надъ окнами господскаго дома. Меня всегда ужасно радовалъ этотъ знакъ птичьяго довѣрiя къ нашему дому, который они признавали своимъ гнѣздомъ. Я тоже, слушая ихъ голоса въ эти вечернiе часы, былъ полонъ ощущенiя какого-то глубокаго довѣрiя къ гнѣзду. Правда бывали и страхи. Ночь съ ея неиз-

вѣстностью безконечно страшна; дѣти лучше насъ, взрослыхъ, это понимаютъ и гораздо глубже чувствуютъ. Оттого-то ребенокъ любитъ заснуть засвѣтло и боится остаться одинъ въ темнотѣ. И вотъ, я помню, въ эти вечера, Мама сидѣла у открытаго окна и читала громко Revue des deux Mondes, а мы засыпали подъ звуки этой монотонной и въ то время непонятной намъ французской рѣчи: именно непониманіе и требовалось для успокоенія. Правда, меня интриговали заглавныя буквы оранжевой обложки журнала, и я, учившійся чтенію уже съ четырехъ лѣтъ, пытался разобрать ихъ по-русски, читая французское R какъ русское Я и удивляясь, почему оно написано навыворотъ; но именно этого рода „исканія“ дѣтскаго ума, подъ звукъ родного, монотоннаго голоса, всего скорѣе усыпляютъ, возстанавливая довѣріе къ ночи. Утро начиналось безъ Мама; она вставала позже, но тѣмъ не менѣе и тутъ все было полно ея невидимымъ присутствіемъ. Я помню эту всегдашнюю радость пробужденія, которой вторили уже не стрижи, а другой оркестръ, — оркестръ лягушекъ, громко, властно квакавшій изъ залитой солнцемъ и покрытой бѣлыми водяными цвѣтами рѣки у подножія холма — подъ усадьбой; но лягушачьи голоса покрывались визгомъ и хохотомъ дѣтей, расшалившихся въ кроваткахъ. А тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ слышался нянинъ басъ: „Сійчасъ мама скажу, сійчасъ, вотъ погодите, только вотъ проснется, вотъ увидите, вотъ увидите!“ — Но визгъ и хохотъ не унимались, а издали слышался добрый, но старающійся быть строгимъ

Князь Николай Петровичъ и княгиня Софья Алексѣевна Трубецкіе въ 60-хъ годахъ

голосъ Папа*) на распѣвъ: „Это что такое? Сейчасъ шлепки дамъ“. — Но шлепокъ мы не боялись. Всѣ эти раннія впечатлѣнія — яркія, но отрывочныя и какъ будто случайныя: вотъ, напримѣръ, цвѣточекъ съ золотомъ на обояхъ надъ моей кроватью; подъ цвѣточкомъ — дыра. Какъ сейчасъ помню, какъ я, лежа больнымъ въ этой кроваткѣ, сажалъ за эти обои муху, — вылѣзетъ или не вылѣзетъ... Но присмотритесь внимательно къ этому мусору незначительныхъ воспоминаній: если среди нихъ попадаются крупинки золота, онѣ всегда сосредоточиваются вокругъ какого-либо любимаго человѣческаго образа.

Вотъ, напримѣръ, казалось бы, мелочь. Моя маленькая сестренка, кажется, Тоня**) — ползаетъ подъ столомъ послѣ обѣда и собираетъ крошки. Она знаетъ, что это запрещено, и потому говоритъ:

— „Мама отвелнись, я буду собилать клошки“.

Мама указываетъ на образъ и говоритъ:

— „Я не увижу, такъ Богъ увидитъ.“

А Тоня ей въ отвѣтъ:

— „Пелвелни Бога“.

Не помню, что сказала на это Мама. Помню только, что съ этой минуты съ какой-то необычайной силою гипноза мнѣ врѣзалось въ душу религіозное ощущеніе, навсегда оставшееся для меня однимъ

*) Кн. Николай Петровичъ, родился въ 1828 г., скончался въ 1900 г., былъ женатъ первымъ бракомъ на графинѣ Л. В. Орловой-Денисовой, вторымъ на С. А. Лопухиной; былъ вице-губернаторомъ въ Калугѣ, потомъ почетнымъ опекуномъ въ Москвѣ.

**) Княжна Антонина Николаевна, замужемъ за Ѳ. Д. Самаринымъ, род. въ 1864 г., скончалась въ 1901 г.

изъ центральныхъ и самыхъ сильныхъ, — ощущенiе какого-то яснаго и свѣтлаго ока, пронизывающаго тьму, проникающаго и въ душу, и въ самыя глубины мiрскiя; и никуда отъ этого взгляда не укроешься. Такiя гипнотическiя внушенiя — самая суть воспитанiя, и Мама, какъ никто, умѣла ихъ дѣлать.

И чѣмъ сознательнѣе, чѣмъ больше я становился, тѣмъ больше этихъ золотыхъ крупинокъ въ моихъ воспоминанiяхъ о ней. Помню, какъ умышленно непонятное чтенiе по вечерамъ смѣнилось чтенiемъ Евангелiя, когда мы стали подрастать; помню, какъ у насъ завелся обычай ей исповѣдываться каждый день въ нашихъ дѣтскихъ преступленiяхъ. Помню, какъ она умѣла прохватить до слезъ и вызвать глубокое сознанiе виновности. Для тяжко провинившагося у нея всегда находились слова глубокаго и пламеннаго негодованiя.

Съ дѣтьми это иногда бываетъ всего труднѣе. Хорошо еще, если виновный пойманъ на мѣстѣ преступленiя. Но какъ быть, если вина обнаруживается во время его отсутствiя, за нѣсколько часовъ до его возвращенiя съ прогулки. Какъ не расплескать собраннаго негодованiя до его возвращенiя? Мама это всегда поразительно удавалось, и больше всего ее возмущали всякiя проявленiя неуваженiя къ личному достоинству. Тутъ въ ней съ особенной силой сказывался человѣкъ новой эпохи.

Никогда не забуду силы ея гнѣва, когда однажды, бросая пряниками въ день ахтырскаго праздника, я цѣлился ими въ головы мальчиковъ и бросалъ

съ силою, причиняя боль. По ужасу, изобразившемуся въ ея глазахъ, я понялъ, какой ужасъ я сдѣлалъ... Гипнозъ этого взгляда сдѣлалъ для меня такое третированіе крестьянскихъ мальчиковъ разъ навсегда невозможнымъ. Въ другой разъ она поступила со мной неумолимо жестоко, когда я отнесся неуважительно къ священнику. Мнѣ было десять лѣтъ; всѣ прочія дѣти гуляли, а я остался дома одинъ — зубрить географію. Увидѣвъ въ открытое окно ахтырскаго батюшку и его маленькаго сына, я крикнулъ: „попъ, а попъ!“ Батюшка обернулся, а я спрятался за подоконникъ. Когда онъ отвернулся, я крикнулъ: „Леночка попо-вичъ!“ и спрятался опять; когда священникъ отворачивался, я опять кричалъ и опять прятался, забавляясь гулкимъ эхо, которое повторяло: „п-опъ, а п-опъ“, какъ бы подчеркивая мои слова и дѣлая издѣвательство еще утонченнѣе.

Когда Мама, вернувшись съ прогулки, узнала про эту мою продѣлку, она объявила мнѣ, что я буду заточенъ въ моей комнатѣ безъ права выходить ни къ завтраку, ни къ обѣду, ни на прогулку, покуда я не пойду на домъ къ батюшкѣ — просить извиненія. Это было настолько ужасно, что я предпочелъ „сидѣть взаперти всю жизнь“, о чемъ тутъ же и объявилъ. Я просидѣлъ сутки и готовился сидѣтъ еще безъ конца; тогда Мама категорически потребовала, не взирая на слезы и мольбы, чтобы я немедленно пошелъ извиниться. Къ ужасу моему я сначала не засталъ батюшку дома и, только вернувшись во второй разъ, былъ принятъ. Батюшка поступилъ со мною, какъ поступали въ старину съ

боярами, „выдаваемыми головою“, — посадилъ за столъ и чѣмъ-то угостилъ.

Строгость тутъ была необходима, потому что и въ киданіи пряниковъ въ голову мальчикамъ, и въ издѣвательствѣ надъ батюшкой сказывались опасные атавизмы — унаслѣдованный отъ крѣпостнической эпохи духовный складъ. Эти атавизмы въ нашемъ дѣтствѣ пресѣкались безжалостно. Мы выросли въ понятіяхъ равенства всѣхъ людей передъ Богомъ. И это опять-таки былъ не либерализмъ, а глубокое душевное настроеніе. Мама такъ чувствовала людей и оттого такъ свято негодовала, когда кто-либо изъ насъ чувствовалъ иначе...

Такъ, благодаря ей, „великолѣпіе“ ахтырскаго дома наполнялось совершенно чуждымъ ему содержаніемъ: мы играли въ бабки на дворѣ съ крестьянскими мальчиками. Когда мы однажды проводили зиму въ Ахтыркѣ, эти друзья — Николка Малышевъ, Ванька Бобкинъ и Сашка Кузнецовъ приходили съ нами бѣгать въ господскій домъ, и „предки,“ висѣвшіе на стѣнахъ, это видѣли. Дѣдушки Петра Ивановича въ то время на свѣтѣ не было; не думаю, чтобы это было возможно, если-бъ онъ былъ живъ. Характерно, между прочимъ, что, при жизни дѣдушки, мы не были знакомы съ ближайшими сосѣдями, Голяшкиными. Присутствіе „голяшекъ“ въ его домѣ, было бы для него слишкомъ большимъ скандаломъ. Но, вскорѣ послѣ его смерти, мальчики Голяшкины стали нашими неразлучными товарищами и друзьями.

Все это было тоже — воспитаніе, тоже гипнотическое внушеніе. Я упомянулъ о наказаніи; но

воспитывались мы вовсе не наказаніями, сравнительно рѣдкими, а именно любящими внушеніями, всѣмъ гипнозомъ окружавшей насъ духовной атмосферы. Внѣшняя дисциплина почти отсутствовала, и въ этомъ сказался разительный контрастъ двухъ жизненныхъ стилей — старой и новой Ахтырки.

Съ этимъ связана — замѣчательная черта. Великолѣпія старой ахтырской архитектуры мои родители просто не понимали, архитектуру ахтырскаго дома они систематически портили. И происходило это именно отъ того, что архитектурный стиль былъ въ данномъ случаѣ лишь яркимъ воплощеніемъ стиля жизненнаго. У нашихъ предковъ — Трубецкихъ, архитектурныя линіи имѣли значеніе господствующее; для насъ — значеніе только подчиненное. И въ этомъ у насъ, незамѣтно для насъ самихъ, отразилось то возстаніе противъ отвлеченнаго эстетизма, которое вообще характеризовало эпоху шестидесятыхъ годовъ. Мои родители требовали, чтобы формы, линіи жизни подчинялись ея содержанію; они иногда впадали въ крайность пренебреженія къ формѣ.

Архитектура Ахтырскаго дома, съ ея отсутствіемъ удобствъ и пренебреженіемъ къ жилымъ комнатамъ, выражала опредѣленный жизненный принципъ: все для великолѣпія. И великолѣпіе, разумѣется, служило болѣе родителямъ, нежели дѣтямъ. Наоборотъ, — новый жизненный принципъ, внесенный Мама въ Ахтырку, выражался въ положеніи — все для дѣтей.

Тутъ были даже преувеличенія, и мы были ими избалованы. Помнится, я какъ-то, шутя, поставилъ

моей маленькой сестрѣ Варѣ *) вопросъ, кто-же наконецъ важнѣе, родители или дѣти. Она съ пламеннымъ убѣжденіемъ отвѣчала: „Конечно, дѣти!" — Дѣтьми и ради дѣтей портилась ахтырская архитектура. Слѣды этой порчи можно видѣть и сейчасъ. Симметрія линій Empire нарушается, напримѣръ, уродливымъ тамбуромъ, придѣланнымъ къ буфету. Это было сдѣлано для тепла, когда мы, однажды, проводили зиму въ Ахтыркѣ. Ради этой зимы было допущено еще худшее уродство. До того обѣ галлереи, соединявшія большой домъ съ флигелями, были открытыми, на деревянныхъ колоннахъ. Мои родители сдѣлали стѣны и печи въ одной изъ галлерей, превративъ ее въ просторную залу для нашей бѣготни, а другую галлерею оставили открытою, потому что второй флигель былъ намъ не нуженъ.

А рядомъ съ этимъ мы — дѣти — съ благословенія родителей совершали уже совершенно ненужные акты разрушенія эстетики. Пользуясь матеріалами, привезенными для постройки галлереи, я съ своей стороны тоже вздумалъ строить домъ, а родители отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому здоровому и полезному занятію и отвели мнѣ подъ постройку мѣсто самое удобное для ихъ за мной надзора, непосредственно подъ великолѣпной каменной террасой съ коринѳскими колоннами, гдѣ раньше совершались „высочайшіе выходы" дѣдушки къ народу. Тамъ, выкопавъ четыре ямы, я поставилъ четыре столба, обшилъ ихъ разноцвѣтнымъ тесомъ, гдѣ старыя сѣрыя тесины были смѣшаны съ бѣлыми,

*) Княжна Варвара Николаевна, замужемъ за Г. Г. Лермонтовымъ, род. въ 1870 г.

и устроилъ изъ неровнаго теса кривую крышу съ большими щелями. Плотники, собравшись посмотрѣть на мое сооруженіе, громко, гомерически хохотали; а зимой, когда я не могъ пользоваться моимъ домомъ, домашняя прислуга устроила въ немъ дальнѣйшія приспособленія: онъ былъ набитъ рогожными кульками, остатками битой посуды, пустыми коробками отъ сардинокъ и всѣми вообще отбросами буфета*). А въ другой части того же параднаго фасада дома, подъ колоннами одного изъ флигелей, — выросло другое безобразіе. Тамъ былъ нашъ садъ-огородъ, гдѣ мы сажали вмѣстѣ съ цвѣтами красную капусту, редиски и картофель...

Удивительнѣе всего то, что мои родители находили „красивою" ту архитектуру, которую они портили; но самый ея духъ оставался имъ непонятенъ. Большой ахтырскій домъ увѣнчанъ прекраснымъ куполомъ, типичнымъ для множества превосходныхъ построекъ Empire 20 годовъ XIX столѣтія. А вмѣстѣ съ тѣмъ я въ дѣтствѣ слышалъ отъ старшихъ, что это — куполъ византійскій. И не одни мои родители судили въ такомъ родѣ, вся вообще эпоха шестидесятыхъ годовъ характеризуется этимъ непониманіемъ архитектуры въ гораздо большей степени, чѣмъ разрушеніемъ эстетики вообще. И это — оттого, что въ то время вся старая жизненная архитектура была частью расшатана, частью сломана, но покуда еще не замѣнена новой.

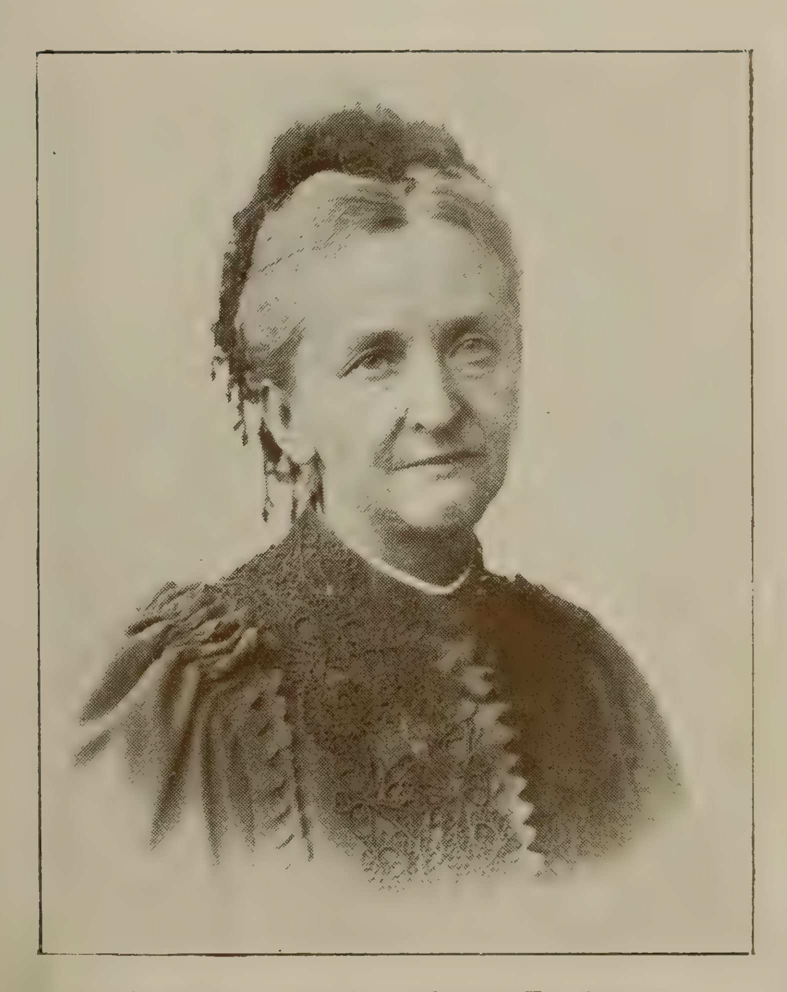
Характерно, что другое искусство, — искусство интимныхъ внутреннихъ душевныхъ переживаній —

*) Почему, съ наступленіемъ весны, его пришлось убрать.

музыка, какъ разъ наоборотъ, именно въ шестидесятыхъ годахъ, стала дѣлать широкія завоеванія въ человѣческихъ сердцахъ. Словно музыка въ то время вытѣсняла архитектуру, и это — опять типично. Центръ тяжести перенесся отъ наружныхъ, внѣшнихъ формъ, въ которыя была закована жизнь, во внутрь. Человѣческая душа какъ таковая стала предметомъ вниманія, независимо отъ рода и званія. А внутренній душевный міръ — міръ несравненно болѣе звуковой, чѣмъ зрительный. И потому нѣтъ того искусства, которое бы пользовалось большею, чѣмъ музыка, властью надъ душою и ея чувствами. Нѣтъ другого, которое могло бы такъ захватывать и уносить.

И въ этомъ мірѣ звуковъ мы жили съ дѣтства. Глава тогдашняго всероссійскаго музыкальнаго движенія — Николай Рубинштейнъ, другъ моего отца, частенько бывалъ въ Ахтыркѣ, и стѣны, увѣшанныя фамильными портретами, неоднократно слышали его дивную игру. Тутъ уже непониманіе было на сторонѣ предковъ, которые жили архитектурою, но не понимали музыки. Любопытно, что именно музыка и послужила объединяющимъ звеномъ между Трубецкими и Лопухиными. На концертахъ, устраиваемыхъ Рубинштейномъ, мой отецъ, одинъ изъ учредителей Императорскаго Музыкальнаго Общества, впервые сталъ встрѣчать мою мать и безумно въ нее влюбился.

Не случайно то, что ихъ объединила именно музыка. Оба они, при всей противоположности ихъ характера и умственнаго склада, были не только людьми съ музыкальными способностями; у обоихъ

Княгиня Софья Алексѣевна Трубецкая

были музыкальныя души въ особомъ значенiи этого слова: у обоихъ ихъ духовный центръ тяжести лежалъ въ интимныхъ внутреннихъ переживанiяхъ; только выражалось это у каждаго изъ нихъ по разному; у Мама — въ формѣ мечтательной экзальтацiи, а у Папа — въ его изумительной способности уединяться въ какомъ-либо сильномъ индивидуальномъ переживанiи, нерѣдко оторванномъ отъ всего окружающаго. Музыкальная душа это — та, которая воспринимаетъ жизнь не столько зрѣнiемъ, сколько какимъ-то внутреннимъ слухомъ: эта черта была у обоихъ моихъ родителей. Каждый изъ нихъ по разному уединялся со своей мечтой и, когда мечта была слишкомъ индивидуальна, они другъ друга не понимали. Мама подсмѣивалась надъ исключительностью его интересовъ, а онъ подсмѣивался надъ ея „экзальтацiей". Но въ общемъ и основномъ внушенiя внутренняго голоса ихъ объединяли.

Мама, собственно говоря, не знала жизни. Она вѣчно пропускала дѣйствительность сквозь фантазiю, и въ результатѣ воображаемое сплошь да рядомъ оказывалось вовсе не похожимъ на дѣйствительное. Тутъ сказываются положительныя и опасныя стороны этой „экзальтацiи", которая составляла существенную черту не только ея, но и всего Лопухинскаго склада... И она, и сестры ея — мои тети — вслѣдствiе привычки воображать жизнь, вѣчно строили изъ нея романъ, въ которомъ дѣйствующiя лица дѣйствовали и размѣщались вовсе не такъ, какъ это происходило въ дѣйствительности, а такъ, какъ этого требовала красота воображаемаго романа.

Въ такомъ романѣ непремѣнно требуются „герои“, и для того, чтобы они рельефнѣе выдѣлялись, нуженъ контрастъ; нужно, чтобы рядомъ со свѣтомъ ложилась тѣнь. У каждаго изъ насъ, дѣтей, были свои періоды, когда мы попадали въ „герои“, и каждому, понятно, хотѣлось попасть въ эту освѣщенную яркимъ свѣтомъ полосу, гдѣ сосредоточивалась вся сила „экзальтаціи“ Мама и тетушекъ. Но въ это время другіе затѣнялись, и имъ было больно. Воображеніе работало неустанно, а потому „герои“ мѣнялись. Одни уходили въ тѣнь, другіе становились на ихъ мѣсто. Это было тоже — проявленіе „музыкальной души“. Однимъ поручался лейтъ-мотивъ той жизненной симфоніи, которая носилась передъ внутреннимъ слухомъ Мама. Другимъ назначалась роль скромныхъ аккомпаніаторовъ. Въ результатѣ, эта экзальтація вокругъ однихъ часто шла въ ущербъ другимъ. Помнится, когда появились на нашемъ горизонтѣ двое братьевъ Лопухиныхъ, они передъ нами словно качались на вѣсахъ. Если тетушки „подымали“ Митю, то онѣ въ то же время непремѣнно „опускали“ Алешу. Но черезъ одинъ — два года очередь мѣнялась; „подымался“ Алеша и тогда, чтобы оттѣнить его качества, въ Митѣ находились всякіе недостатки.

Справедливость тутъ часто нарушалась, въ особенности потому, что воображаемыя дѣти надѣлялись совсѣмъ не тѣми качествами, которыя они на самомъ дѣлѣ имѣли. Помню, какъ мнѣ бывало обидно, когда все мое, индивидуальное, выходило изъ поля зрѣнія Мама. Въ молодости, когда я всею силою моего существа погрузился въ философію, Мама и

тетушки меня отговаривали, находили, что я только „тянусь за братомъ Сережей". Въ ихъ вообраafженіи философъ былъ Сережа, — онъ одинъ, и это исключало возможность быть философомъ для меня, — я долженъ былъ „по контрасту" быть „практическимъ дѣятелемъ", а потому и считался олицетвореніемъ „практичности", т. е. надѣлялся свойствомъ, органически мнѣ чуждымъ.

Но эта несправедливость причиняла боль именно потому, что мы Мама горячо любили; въ ней было то высшее, что заставляло забывать о несправедливостяхъ, были дары духа, большіе, чѣмъ справедливость. Не справедливостью мы воспитывались, а душевнымъ подъемомъ, который въ ней исходилъ изъ глубокаго внутренняго горѣнія. Пусть этотъ подъемъ ошибался въ пониманіи жизни и въ оцѣнкѣ характеровъ. Важно то, куда онъ направлялся; а еще важнѣе то, что онъ и другихъ, въ особенности дѣтей ея, уносилъ и поднималъ. Помнится, она внушала намъ мысль, что въ жизни всегда нужно намѣчать цѣль выше, чѣмъ можно достигнуть; нужно поступать, какъ при переправахъ черезъ рѣку, въ разсчетѣ, что быстрое теченіе всегда васъ отнесетъ отъ цѣли. Въ ея устахъ это были не слова, а жизнь. Эта была внутренняя музыка исходившаго отъ нея гипноза. Музыкальная душа многаго въ жизни не видитъ и потому во многомъ ошибается, потому что она всегда переживаетъ состояніе музыкальнаго паренія надъ жизнью. Но важно вовсе не то, что она видитъ, важно то, что она слышитъ, — важна красота тѣхъ звуковъ, которые она приноситъ сюда изъ того высшаго плана бытія,

куда она поднимается. И, если это — подлинная духовная красота, какъ было въ данномъ случаѣ, — маленькія несправедливости, по сравненію съ нею, мелки и ничтожны.

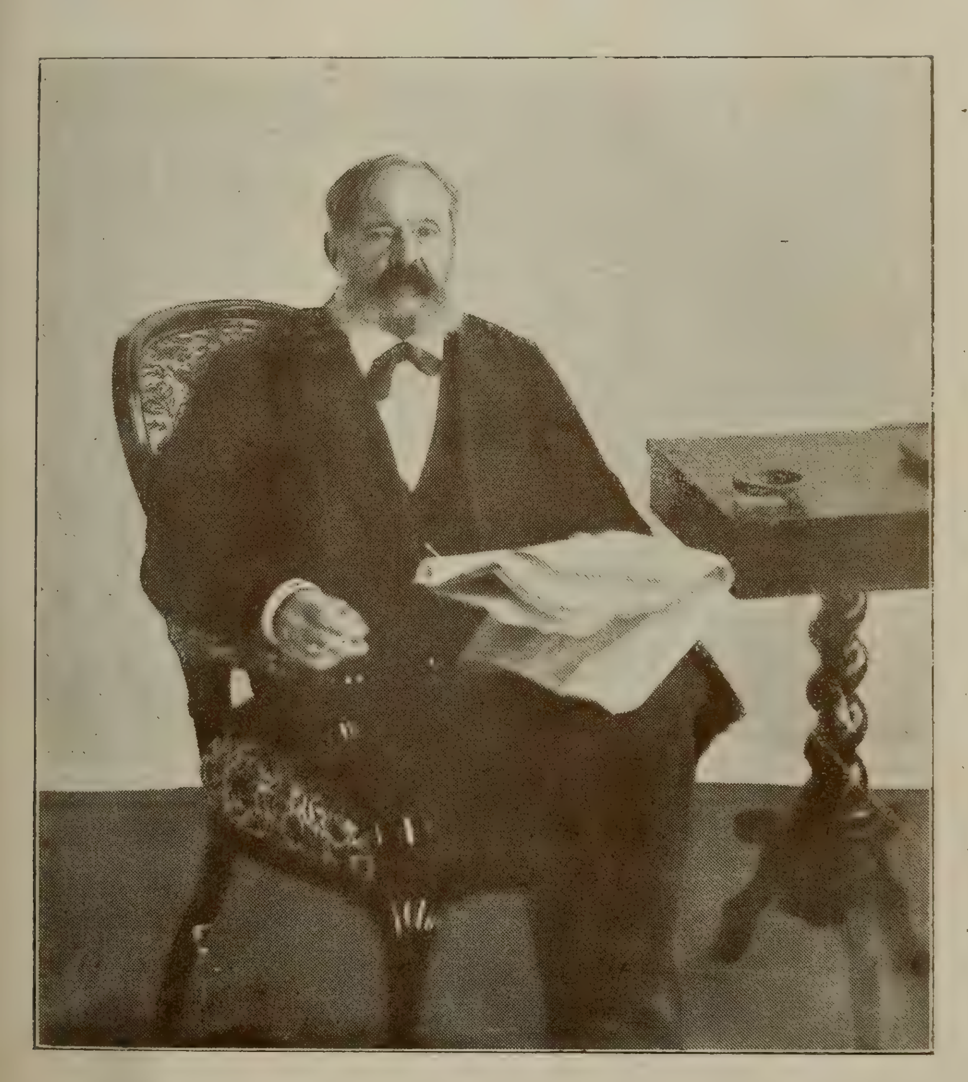
Какъ сейчасъ слышу ироническій, нѣжный голосъ Папа:

— „Мамаша опять заэкзалтировалась“...

Онъ былъ трезвѣе ея умомъ, поэтической экзальтаціи воображенія, перерабатывающаго жизнь въ романъ, въ немъ не было, но онъ тоже, по своему, вѣчно уходилъ отъ жизни, всегда жилъ какой-то своей особой внутренней музыкой.

Помню его временами отсутствующій видъ и его феноменальную разсѣянность, о которой ходили безчисленные анекдоты. Онъ могъ совершенно не видѣть и не слышать того, что кругомъ происходило, не замѣчать присутствующихъ, путать ихъ имена или принимать однихъ за другихъ, дѣлать визиты съ чужими визитными карточками, ѣздить въ чужой военной фуражкѣ, принятой за свою штатскую. Былъ случай, когда ему нужно было, уходя на ночь спать, задуть свѣчу и проститься съ дочерью — моей сестрой Ольгой *); онъ началъ наоборотъ, т. е. дунулъ въ лицо Ольгѣ, и былъ тутъ же прерванъ ея хохотомъ. Такихъ анекдотовъ о немъ существуетъ безчисленное множество. Но важна вовсе не эта чудаческая внѣшность, а та внутренння сущность, которую всѣ эти чудачества выражали. Эта внутренняя сущность была также своеобразнымъ уходомъ отъ окружающей дѣствительности. Только уходилъ Папа не въ воображаемый „романъ“, не въ поэтическую

*) Кн. Ольга Николаевна, родилась въ 1867 г.

Князь Николай Петровичъ Трубецкой

грезу, а въ какое-нибудь дѣло, которое его поглощало и которымъ онъ въ данную минуту жилъ. Дѣла, которыми онъ могъ интересоваться, могли быть весьма разнообразны, но они всегда сходились въ двухъ общихъ чертахъ. Во-первыхъ, тотъ интересъ, которому онъ въ каждую данную минуту отдавался, былъ всепоглощающимъ. Папа всегда былъ весь въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ и въ данную минуту ничего другого не воспринималъ; для другихъ мыслей и интересовъ онъ просто отсутствовалъ. Это была разсѣянность отъ сосредоточенности. Во-вторыхъ, и это главное, интересъ, которымъ онъ въ данную минуту поглощался, — не только не имѣлъ ничего общаго съ его личными и въ особенности — матеріальными интересами, но всегда шелъ въ разрѣзъ съ ними. Отъ этихъ его увлеченій душа его обогащалась, но дѣла приходили въ полное разстройство.

Это — опять типическая черта новой эпохи. Выбитое изъ старой колеи дворянство все куда-то уходило отъ старыхъ традиціонныхъ формъ, отъ старыхъ усадебъ и семейныхъ вотчинъ, и, уходя, раззорялось. Но уходили по разному и въ разныхъ направленіяхъ. Иные прожигали жизнь, кутили, играли въ карты. Среди моихъ дядей, братьевъ моего отца, были и такіе примѣры. Другіе, неудовлетворенные русскими условіями жизни, — уходили на чужбину. Былъ у меня и такой дядя, женатый на американкѣ и жившій въ Италіи помѣщикомъ на озерѣ Лаго-Маджіоре*). Папа уходилъ иначе. Его

*) Кн. Петръ Петровичъ, старшій братъ отца, отецъ скульптора Paolo Трубецкого.

уходъ всегда кому-нибудь или чему-нибудь служилъ, дорогому общему дѣлу или любимымъ людямъ: для чужихъ и общихъ дѣлъ онъ былъ сосредоточенъ, для своихъ — безгранично разсѣянъ. Но внѣшній результатъ отъ этого получался для него тотъ-же, какъ и для всего уходящаго дворянства того времени. Имѣнія запускались и хронически не давали дохода. „Золотой банкъ“, въ которомъ они были заложены, — пугало тогдашняго дворянства, высасывалъ изъ нихъ всѣ соки, а то, что оставалось, разворовывалось управляющими; и дворянинъ въ концѣ концовъ уходилъ уже буквально изъ своей усадьбы, потому что вынужденъ былъ ее продать.

Мириться съ этимъ можно было, когда уходили въ добро, когда отрѣшались отъ всѣхъ дурныхъ традицій старой усадьбы, но сохраняли всѣ свѣтлыя и въ особенности духовный аристократизмъ, благородство внутренняго человѣческаго облика. Такъ и было въ данномъ случаѣ.

Все наше дѣтство протекло подъ впечатлѣніемъ ухода Папа въ музыку — въ буквальномъ смыслѣ слова. Всепоглощающимъ его интересомъ было тогда Императорское Русское Музыкальное общество въ Москвѣ, теперь, увы, — мертвое учрежденіе, но тогда полное жизни, бившей изъ него ключемъ, потому что оно было одухотворено геніемъ Николая Рубинштейна — его учредителя. Папа былъ всегда въ хлопотахъ о немъ, въ чемъ ему помогали его многочисленныя связи, частенько ѣздилъ въ Петроградъ, гдѣ добивался для общества и его консерваторіи содѣйствія какъ правительства, такъ и высочайшихъ особъ... но въ имѣнія свои, въ цѣляхъ

руководства и надзора, ѣздилъ рѣдко; да и не могли приносить пользы эти поѣздки, потому что къ хозяйству у него не лежала душа; и даже чувствуя, что управляющій его обманываетъ, онъ находилъ какое-нибудь оправданіе, чтобы его оставить: „лучше, молъ, умный жуликъ, чѣмъ честный дуракъ“ и т. п. У него была одна мечта: только не оторваться отъ любимыхъ музыкальныхъ интересовъ для скучнаго дѣла смѣны управляющаго. Я всегда слышалъ, что дѣла музыкальнаго общества онъ устраивалъ превосходно, а свои — изъ рукъ вонъ плохо. Хозяйство его увѣковѣчивалось только классическими памятниками его разсѣянности. Управляющій получалъ отъ него письмо съ окончаніемъ: „Цѣлую ручки твои, милая Соня, какой же у насъ жуликъ управляющій!“ а написанное въ то же время письмо къ Мама заканчивалось распоряженіями по имѣнію. Легко себѣ представить, что изъ этого выходило для хозяйства. За то, благодаря этимъ же его качествамъ, мы — его дѣти — получили отъ него такое духовное богатство, передъ которымъ всякое хозяйство — ничто.

Вспоминая переходъ отъ Ахтырки моего дѣда къ Ахтыркѣ моего отца, я испытываю впечатлѣніе, словно вся величественная архитектура ахтырской усадьбы ушла во внутрь, превратилась въ иную, магическую архитектуру звуковъ. — „Wer studiert so fleissig den Septuor Bethovens?“ — спрашивалъ жившій въ Ахтыркѣ віолончелистъ Фитценгагенъ, прислушиваясь къ звукамъ, доносившимся изъ открытаго окна нашей гостиной. Это были наши дѣтскія упражненія на рояли, готовившія и слухъ и душу къ высшимъ музыкальнымъ воспріятіямъ.

А въ Ахтыркѣ было что послушать: знаменитый Косманъ прiѣзжалъ туда играть на вiолончели, Лаубъ, тогда одинъ изъ первыхъ скрипачей въ мiрѣ, — на скрипкѣ; онъ часто посѣщалъ насъ и игралъ со мною, ребенкомъ, на билліарѣ. Потомъ извѣстный ученикъ Лауба, Гржимали, цѣлыми днями ловившій со мною рыбу въ Ахтырской рѣкѣ, Фитценгагенъ, и, наконецъ, великій Н. Г. Рубинштейнъ, котораго мы, дѣти, любили какъ родного. Я помню прекрасно, какъ эти три послѣдніе играли въ Ахтыркѣ тріо. Вотъ, чѣмъ былъ полонъ внутренній слухъ Папа, глухой къ письмамъ его управляющихъ. И развѣ не стоило быть къ нимъ глухимъ, чтобы слышать то, что онъ слышалъ? Если-бъ онъ былъ другой, мы были бы богаче, куда богаче. Но тогда Ахтырка не была бы той симфоніей, которая врѣзалась намъ въ душу, не было бы этой Ахтырки звуковой, а она въ нашей памяти насквозь пропиталась звуками и ими одухотворилась. Когда я ее вспоминаю съ закрытыми глазами, мнѣ кажется, что я ее не только вижу, но и слышу. Словно звучитъ каждая дорожка въ паркѣ, всякая въ немъ роща, лужайка или поворотъ рѣки; всякое мѣсто связано съ особымъ мотивомъ, имѣетъ свой особый музыкальный образъ, неразрывный съ зрительнымъ. Если и шумъ лѣсной, и всѣ птицы въ этомъ паркѣ звучали для насъ, какъ одинъ величественный оркестръ, мы обязаны этимъ Рубинштейну: онъ научилъ насъ этому птичьему языку и принесъ въ Ахтырку это высшее откровеніе вагнеровскаго Зигфрида.

Тутъ мнѣ вспоминается одно проявленіе разсѣянности моего отца, которое даже близкихъ ему

людей взволновало и смутило, до того оно было непонятно. Онъ прiѣхалъ на панихиду въ домъ, гдѣ лежалъ родной и близкiй ему человѣкъ... Но онъ всегда былъ человѣкомъ одной мысли, которой онъ былъ полонъ, а въ это время онъ весь былъ въ хлопотахъ о какомъ-то необычайномъ концертѣ съ рѣдкой знаменитостью... Придя въ гостиную, онъ не утерпѣлъ и сказалъ кому-то: „Какой концертъ мнѣ удалось устроить!“ Послышался отвѣтъ: „Слушайте, мой дорогой, вѣдь онъ лежитъ въ сосѣдней комнатѣ въ гробу, а вы говорите о концертѣ“. Папа, вспомнивъ о своемъ горѣ, сказалъ: „Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, это ужасно“ и, глубоко сконфуженный и разстроенный, вышелъ... Были въ немъ эти странности; но, если-бъ ихъ не было то и многаго другого, положительнаго не было бы, а тогда и Ахтырка была бы совсѣмъ иная, и весь складъ нашей семьи былъ бы совсѣмъ инымъ. Чтобы дѣйствiе музыки было могущественнымъ и даже потрясающимъ, нужны эти души, способныя быть ею минутами захваченными ц ѣ л и к о м ъ, б е з ъ о с т а т к а, с ъ з а б в е н i е м ъ в с е г о в ъ м i р ѣ. Это же свойство характера нужно и для другого. Человѣкъ, захваченный одной мыслью, однимъ чувствомъ, глухой ко всему прочему, въ данную минуту влагаетъ въ эту одну мысль ту силу темперамента и волевой энергiи, которая не знаетъ препятствiй, а потому непремѣнно достигаетъ цѣли.

Папа именно и былъ таковъ, и это свойство его характера въ большей или меньшей степени передалось всѣмъ намъ — его дѣтямъ; но проявлялась эта наслѣдственность въ самыхъ причудливыхъ фор-

махъ. Напримѣръ, мой покойный братъ Петръ *) — (его сынъ отъ перваго брака), унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ этой чертой и практическій складъ дѣятеля: онъ всегда былъ поглощенъ какимъ-нибудь одnимъ дѣломъ, вокругъ котораго онъ развивалъ кипучую энергію, и для этого дѣла шагалъ не только черезъ препятствія, но и черезъ людей, когда они попадались по дорогѣ и мѣшали. Помнится, мы встрѣтились съ нимъ однажды въ Петроградѣ, не видавшись передъ тѣмъ два года; я вскочилъ ему навстрѣчу, а онъ пробѣжалъ мимо меня, кивая съ любезной улыбкой, какъ доброму, но ненужному, а потому надоѣдливому знакомому, и устремился прямо, не останавливаясь, къ общественному дѣятелю, который ему былъ нуженъ для дѣла, вокругъ котораго онъ хлопоталъ. Это было въ 1906 году, и дѣло было общее, политическое. Въ эту минуту Петя былъ — вылитый Папа; да я и самъ чувствую въ себѣ ту же сущность, только въ совершенно другой формѣ.

Два другихъ сына Папа — братъ Сережа и я, внесли этотъ же самый темпераментъ въ философію. У насъ эта наклонность — уходить всѣмъ существомъ въ одну мысль и въ нее вслушиваться внутреннимъ слухомъ — дала наклонность къ отвлеченію и нужную для него силу. Тутъ философія оказалась дочерью музыки. Да она и на самомъ дѣлѣ — музыка: не даромъ Пиѳагоръ слушалъ музыку сферъ. Не знаю, хорошо ли это, или дурно. Но не сомнѣ-

*) Кн. П. Н. Трубецкой род. въ 1858 г., сконч. въ 1910 г., былъ Московскимъ губ. предводителемъ дворянства, а затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ.

ваюсь, что только благодаря этому отцовскому наслѣдію, я могъ подъ музыку пулеметовъ, возвѣщающихъ рожденіе Россіи новой, уйти цѣликомъ въ созерцаніе той Россіи милыхъ, дорогихъ отшедшихъ, жить съ ними въ эти страшныя минуты и черпать бодрость духа въ этомъ общеніи. То неумирающее, что есть въ этихъ родныхъ образахъ, для меня объединило эти двѣ Россіи. Я почувствовалъ, что они живы; и какъ, бывало, въ Ахтыркѣ, отъ этого ощущенія разсѣялся мой дѣтскій страхъ передъ ночью. Не одни они живы, — живо то святое, что наполняло ихъ души.

Да будутъ же ихъ имена благословенны во вѣки.

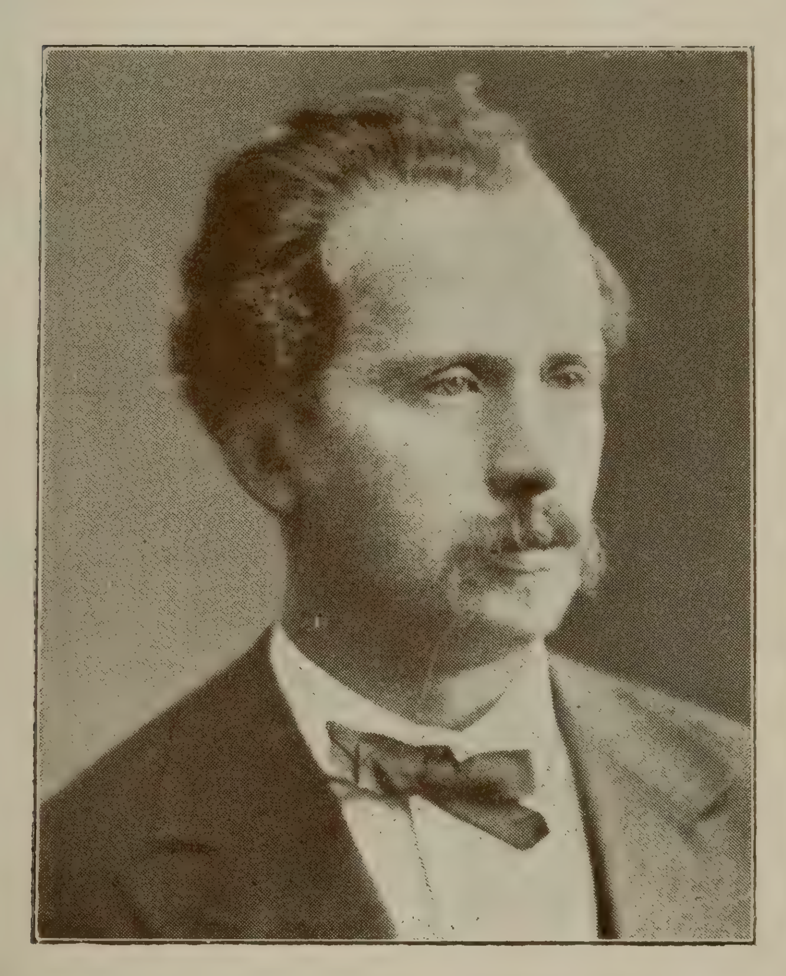

IV.

Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Тутъ я чувствую непреодолимую потребность помянуть добрымъ словомъ имя человѣка, который такъ много значилъ въ духовной атмосферѣ, меня окружавшей въ дѣтствѣ и отрочествѣ. Имя это въ то время уже было всероссійскимъ. Въ особенности въ Москвѣ Николай Григорьевичъ властвовалъ надъ душами, — властвовалъ не только силою своего артистическаго вдохновенія, но и всѣмъ своимъ обликомъ. Я теперь одинъ изъ немногихъ, которые его помнятъ и испытали всю мощь его обаянія. Тѣмъ болѣе я чувствую лежащую на мнѣ обязанность напомнить и другимъ, чѣмъ онъ былъ.

Въ мою память его образъ врѣзался, какъ олицетвореніе служенія прекрасному. Когда я въ юности впервые познакомился съ „Моцартомъ и Сальери“ Пушкина, Рубинштейнъ всегда олицетворялъ для меня образъ Моцарта, но это было вѣрно только отчасти. Съ Пушкинскимъ Моцартомъ его сближали только двѣ черты. Это былъ, во-первыхъ, человѣкъ, беззавѣтно преданный своему искусству, все ему отдававшій и въ немъ горѣвшій, покуда онъ не сгорѣлъ до конца; во-вторыхъ, внѣ своего служенія красотѣ, это былъ „гуляка праздный“, тотъ подлинный жрецъ искусства, который въ свободное отъ занятій время не облекается въ мантію

Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ

жреца, не принимаетъ торжественной позы, а „гуляетъ“ во всю свою широкую натуру.

Я помню его всегда простымъ, яснымъ и веселымъ, безконечно жизнерадостнымъ и остроумнымъ, душой того общества, которое онъ посѣщалъ. По отношенію къ своему искусству и по отношенію къ дѣлу, связанному съ музыкой, онъ былъ необычайно серьезенъ, строгъ и даже нетерпѣливъ. Онъ былъ настоящій безсребренникъ, не знавшій цѣны деньгамъ, сорившій ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ — необычайно добрый человѣкъ, который былъ не въ состояніи въ чемъ-либо отказать лицамъ, нуждающимся въ его помощи. Онъ часто и много кутилъ, но такъ же много и давалъ другимъ. Я знаю случай, когда, не имѣя денегъ, онъ отдалъ бѣдному ученику консерваторіи, гдѣ онъ былъ директоромъ, свою шубу. Лица, знавшія его, мнѣ говорили, что подобные случаи были далеко не рѣдки.

Это была не холодная благотворительность, а горячность сердца. Чувства у Рубинштейна были сильныя и страстныя. Въ его жизни всегда чувствовался тотъ бурный темпераментъ, который такъ увлекалъ въ его игрѣ. Кутить — такъ кутить, любить — такъ любить, а служить — такъ служить. Онъ былъ весь въ томъ порывѣ, которому онъ отдавался, зналъ и бурное веселье, и бурныя страсти. Въ него безъ конца влюблялись, изъ за него стрѣлялись, о его многочисленныхъ романахъ говорила вся Москва. Все это свидѣтельствовало объ избыткѣ его душевныхъ силъ, о жизненной энергіи, переполнявшей его черезъ край, и о происходившемъ въ немъ вслѣдствіе этого непрестанномъ внутрен-

немъ кипѣніи. Но главнымъ въ его жизни было, разумѣется, не это кипѣнье, а творчество, въ которое выливалось это его духовное богатство, красота, рождавшаяся изъ этихъ хаотическихъ и бурныхъ чувствъ.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда я его слышалъ въ послѣдній разъ, но силы этихъ впечатлѣній я никогда не забуду. Современный міръ не знаетъ ничего подобнаго этой силѣ, ничего, что бы могло послужить хотя бы отдаленнымъ напоминаніемъ о той магіи звуковъ, какая была въ игрѣ обоихъ Рубинштейновъ. Это были даже не звуки рояля; имъ удавалось иногда достигать впечатлѣнія полной нематеріальности звука, полной его отрѣшенности и какъ бы внѣмірности. Но рядомъ съ этимъ ни у кого такъ сильно, какъ у нихъ, не звучали красота и соблазнъ посюсторонняго. Никто послѣ нихъ не могъ съ такимъ совершенствомъ, какъ они, дать почувствовать въ ноктюрнѣ тайну звѣздной ночи, воспроизвести въ какомъ-нибудь „Au bord d'une source" волшебство журчащаго ручья, а потомъ вдругъ зажечь всю залу безумнымъ вакхическимъ восторгомъ вихревого вальса или листовской рапсодіи. Въ игрѣ Николая Рубинштейна гамма чувствъ и переживаній была такъ же разнообразна, какъ и въ его жизни. Въ музыкѣ онъ показывался весь, а потому тутъ раскрывалось рѣшительно все, что въ немъ таилось — и буря страстей, и поэтическая греза, и гнѣвныя вспышки, и нѣжность любящаго сердца, и опьяненье радостью здѣшняго, и уходъ въ потустороннее.

При этомъ этотъ человѣкъ, столь простой, естественный, чуждый какой-либо аффектаціи или позы въ обыденной жизни, сразу проникался чувствомъ священнодѣйствія, когда онъ игралъ или дирижировалъ оркестромъ. Помню, какъ онъ, взойдя на эстраду при громѣ апплодисментовъ, какъ-то неуклюже кланялся всѣмъ корпусомъ, иногда съ явнымъ выраженіемъ нетерпѣнія, потому что эти апплодисменты не давали ему начать; ему нуженъ былъ не этотъ ревъ многоголоваго звѣря въ залѣ, а тотъ звуковой міръ, куда онъ уходилъ. Такого явно выраженнаго во всемъ обликѣ ухода въ музыку я не помню ни у кого, даже у его брата Антона. Антонъ Григорьевичъ, бывало, не обращалъ вниманія на шумъ въ залѣ и начиналъ играть раньше, чѣмъ публика успѣла разсѣсться. Напротивъ, Николаю Григорьевичу нужна была безграничная, мертвая тишина въ залѣ. И если эта атмосфера благоговѣнія нарушалась, онъ металъ молніи изъ глазъ; помню, какъ этимъ, одному ему свойственнымъ огневымъ взоромъ, онъ пронизывалъ и поднявшагося съ мѣста слушателя, и не во-время копавшагося въ оркестрѣ музыканта, не внимавшаго нетерпѣливому стуку дирижерской палочки по пюпитру. Онъ хотѣлъ, чтобы и музыкантъ въ его оркестрѣ, и слушатель были, какъ онъ самъ, весь въ музыкѣ.

Когда отношеніе слушателей къ музыкѣ было инымъ, это его не только сердило, но и оскорбляло. Помню, какъ однажды онъ отвѣтилъ одной дамѣ, которая объяснила ему, что была вынуждена пропустить концертъ изъ-за всенощной. Рубинштейнъ

вспыхнулъ и сказалъ: „Для васъ концертъ долженъ быть всенощной!“ Помнится, однажды онъ сталъ жаловаться на „равнодушіе“ московской публики. На самомъ дѣлѣ о „равнодушіи“ не могло быть и рѣчи; но онъ сталъ для Москвы привычнымъ дирижеромъ; концертовъ, коими онъ дирижировалъ было не менѣе десяти въ годъ, вслѣдствіе чего они утратили значеніе рѣдкаго событія. Кто-то, утѣшая его, сказалъ: „Николай Григорьевичъ, мы относимся къ вамъ, какъ мужъ къ любимой женѣ, которая всегда съ нимъ; пусть это чувство — спокойно, зато оно глубоко“. Рубинштейнъ вспылилъ и крикнулъ: „Я хочу, чтобы вы относились ко мнѣ не какъ къ женѣ, а какъ къ любовницѣ!“

Это не было желаніе славы, а желаніе дѣйствовать на души, заражать ихъ своимъ воодушевленіемъ. Славою Николай Григорьевичъ пренебрегалъ и далъ тому разительныя доказательства. Сила таланта его была такова, что слава его могла бы наполнить весь міръ, если бы только онъ этого хотѣлъ. Вмѣсто того, въ отличіе отъ своего брата Антона, который много гастролировалъ въ Россіи и въ Европѣ и пріобрѣлъ этими гастролями всемірную, громкую извѣстность, Николай Григорьевичъ почти не выѣзжалъ изъ Москвы и только, въ видѣ исключенія, давалъ ежегодно одинъ концертъ въ Петербургѣ. Съ Москвою его связывало любимое дѣло — московская консерваторія, коей онъ былъ директоромъ, и музыкальное общество, коего онъ былъ душою. А Николай Григорьевичъ не умѣлъ дѣлать дѣло наполовину. Онъ пожертвовалъ ему

все — и свою славу, и свое благосостояніе. Изъ-за этого онъ отказывался отъ гастролей; по той же причинѣ этотъ безсребренникъ, который могъ заработать огромное богатство своими концертами, всегда оставался безъ гроша.

На этой почвѣ однажды произошелъ трогательный эпизодъ, обнаружившій всю ту силу любви, которую онъ внушалъ. — Привычка сорить деньгами и раздавать ихъ направо и налѣво вовлекла его въ неоплатные долги. Передъ нимъ стояла дилемма — или бросить любимое дѣло и поѣхать гастролировать ради уплаты долговъ, или попасть въ долговое отдѣленіе, куда въ то время еще сажали несостоятельныхъ должниковъ. Казалось, Москва должна была во всякомъ случаѣ его лишиться. Но Москва во-время узнала про грозившую ему опасность и съумѣла спасти свою честь и славу. Приближался день его ежегоднаго концерта, когда ему, по установленному обычаю, подносился подарокъ. Это и дало возможность найти деликатный способъ его выручить. По подпискѣ была собрана полностью вся нужная сумма; на нее былъ пріобрѣтенъ перстень съ огромнымъ брилліантомъ-солитеромъ, причемъ былъ условлено съ ювелиромъ, что Рубинштейнъ, если захочетъ, можетъ вернуть этотъ перстень за уплаченную сумму. Такъ и было сдѣлано; значеніе перстня было послѣ его поднесенія объяснено Рубинштейну, и катастрофа была предотвращена. Нужно ли прибавлять, что мой отецъ былъ душою всей этой подписки, ея главнымъ организаторомъ и однимъ изъ крупныхъ жертвователей.

То, для чего жертвовалъ собою Рубинштейнъ, было не только музыка, но большое музыкальное дѣло, связывавшее его съ Москвою, — музыкальное общество и, прежде всего, консерваторія. Надо было видѣть, какимъ обаяніемъ онъ былъ здѣсь окруженъ, какъ его любили, какъ его боялись, какъ онъ могъ однимъ взглядомъ уничтожить или осчастливить. Помню, какъ, бывало, ученики и въ особенности ученицы встрѣчали и провожали его обожающими взглядами. Онъ былъ иногда нетерпѣливъ и вспыльчивъ, но ему все прощалось, потому что это были вспышки человѣка, жившаго красотой, а потому слишкомъ глубоко оскорблявшагося всякимъ уродствомъ, безвкусіемъ и въ особенности равнодушіемъ къ красотѣ.

Какъ сейчасъ помню репетицію „Фрейшюца" — консерваторскаго спектакля, которымъ онъ дирижировалъ, кажется, въ 1875 году, когда мнѣ было всего двѣнадцать лѣтъ. Войдя въ оркестръ передъ увертюрой, онъ провѣрилъ прежде всего строй литавры, около которой стоялъ мальчикъ въ сѣренькой курточкѣ — мой ровесникъ. Мальчикъ заволновался, но строй оказался вѣрнымъ. — „Кто настроилъ? Какъ, самъ настроилъ?" спросилъ ласковый голосъ. — „Молодецъ!" И мальчикъ, весь сіяющій, вспыхнулъ какъ роза. Я почувствовалъ въ эту минуту, что и у меня отъ души отлегло и обрадовался отъ души за мальчика. Это былъ впослѣдствіи извѣстный артистъ А. И. Зилоти.

Поднялся занавѣсъ, и Рубинштейнъ покрикивалъ. „Похороны, похороны!" кричалъ онъ на хоръ, не-

достаточно шумно выражавшій радость. „Героинѣ“ замѣтилъ: „Вотъ какая дылда большая выросла, а пѣть не умѣетъ“; та не разсердилась, а только улыбнулась на эту отечески-ласковую брань; появленіе духа ада Саміэля, оказавшееся въ чемъ-то несценичнымъ, было встрѣчено словами: „Ну и проваливайте!“ Саміэль, освѣщенный краснымъ огнемъ, засмѣялся. Такъ же былъ встрѣченъ старецъ — пустынникъ, благословлявшій народъ. Контрабасистъ, уронившій инструментъ, былъ тутъ же названъ „дуракомъ“. Но никто не обижался. Всѣ были воодушевлены и увлечены общимъ подъемомъ, потому что всѣ вѣрили въ него, какъ въ полубога, и всѣ чувствовали, что онъ любилъ, и заражались тѣмъ, что онъ любилъ. И оттого-то спектакль удавался блестяще.

Никогда не забуду, какъ онъ наслаждался игрою своихъ учениковъ, когда она удавалась. Помню, напримѣръ, въ квартетномъ собраніи квартетъ выпуска четырехъ лучшихъ учениковъ, которые впослѣдствіи всѣ пріобрѣли извѣстность, нѣкоторые даже очень громкую. Это были Барцевичъ, Котэкъ, Аренсъ, Брандуковъ. Рубинштейнъ сидѣлъ въ первомъ ряду и умиленнымъ шопотомъ съ доброй улыбкой говорилъ сосѣду: „Каково, какъ мальчики мои играютъ“. Думаю, что этого любящаго къ нимъ отношенія „мальчики“ никогда не забудутъ. За это можно было простить всякія вспышки гнѣва.

Это были вспышки человѣка, который горѣлъ, потому что любилъ. Онъ и умеръ въ полномъ расцвѣтѣ своего генія, оттого что сгорѣлъ; онъ не

щадилъ своихъ силъ, не зналъ отдыха ни въ дѣлѣ, которое онъ дѣлалъ, ни въ той бурной радости жизни, которой онъ, въ свободныя отъ дѣла минуты, отдавался вмѣсто отдыха.

Въ окружавшую Рубинштейна атмосферу и мы съ дѣтства были вовлечены. Нужно-ли удивляться что и мы, какъ и всѣ, были имъ увлечены.

V.

Дѣтская.

Теперь возвращаюсь въ нашу дѣтскую, гдѣ только что описанное новое сталкивалось со старымъ. Новымъ былъ весь духъ, ново было все содержаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, среди лицъ, насъ окружающихъ, было сколько угодно старинныхъ типовъ, самымъ контрастомъ своимъ оттѣнявшихъ новое и придававшихъ ему необычайную рельефность.

Изъ этихъ типовъ, быть можетъ, самый яркій — наша няня — Ѳедосья Степановна — олицетвореніе поэзіи дѣтской добраго стараго времени, удивительное сочетаніе нѣжности къ дѣтямъ, своеобразной фамильной гордости за насъ и какого-то восторженно-безтолковаго краснорѣчія, выражавшаго ея своеобразный нянинъ паѳосъ.

Живо помню врѣзавшуюся въ мою память сцену въ дѣтской. У няни на колѣняхъ покачивается маленькое, еще безсловесное существо, — не помню кто изъ моихъ сестеръ, — съ толстенькими щечками, съ пушкомъ на головкѣ, съ аппетитными складочками на затылкѣ и, нескладно хлопая ручками съ жировыми браслетами по столу, подпрыгиваетъ въ тактъ подъ звуки няниной пѣсни :

Деръ папстъ истъ нихтъ цу хаузе
Еръ истъ бей ейнеръ шмаузе,
Вирнарвирдъ нахъ хаузе комменъ
Вирдъ инъ груссеръ клингель зей.

Это она научилась у другой няни — нѣмки, которая пѣла:

Der Papst ist nicht zu Hause
Er ist bei einer Schmause,
Wenn er wird nach Hause kommen
Wird ein gross Geklängel sein.

Была она вдова; въ моемъ раннемъ дѣтствѣ у нея умеръ отъ чахотки единственный сынъ — Алешенька, учившійся въ архитектурномъ училищѣ; мы, дѣти, остались единственной ея радостью и единственной ея гордостью. Помню, какъ она самоотверженно ходила за нами, когда мы были больны, и краснорѣчиво ворчала на наши шалости, когда мы были здоровы.

— „Сереженька, я буду говорить: ищо, ищо, — шали, не слушай старую няню, я только буду говорить — ищо, ищо. Сейчасъ уйду къ барону Боде (домъ, гдѣ она раньше служила), Сереженька Боде, тотъ, бывало, меня слушался“.

Но право ворчать и бранить насъ она признавала только за собой. Когда бранилась гувернантка, няня моментально становилась на дыбы и дѣлалась центромъ оппозиціи.

— „Утратила ребенка“, вопила она, „привели изъ Монбельяра разбойника, который присягалъ русскихъ утрачивать!“

Князья Сергѣй и Евгеній Николаевичи Трубецкіе
въ дѣтствѣ

И дѣти, потерпѣвшія „обиду“ отъ гувернантки, моментально бѣжали жаловаться къ нянѣ.

— „Dégoutante, détestable“, раздавалось въ одной комнатѣ.

— „Аргутанъ, сиссистабель“ тотчасъ отвѣчалъ изъ другой комнаты нянинъ басъ. „Ты сначала ребенку благодать покажи — Духъ Святъ, а потомъ ужъ — аргутанъ, сиссистабель“.

Когда эти выпады вызывали нашъ хохотъ или замѣчаніе по-французски, она не терялась и тутъ-же находила отвѣтъ.

— „Знаю, знаю, что вы говорите, въ некдотъ пущаете старую няню, въ вавалы хотите записать.“ „Ля боннъ, коммъ или дроль“, думаете не понимаю!“

Бывало, что ни случалось съ нами плохого, во всемъ, съ точки зрѣнія няни, оказывалась виноватою гувернантка.

Однажды заразившая насъ всѣхъ эпидемія коклюша совпала съ романомъ гувернантки-француженки, кончившимся выходомъ замужъ за русскаго учителя-студента.

Ровно черезъ годъ одна изъ моихъ сестеръ, безъ всякаго отношенія къ этому коклюшу, схватила воспаленіе легкихъ. Няня негодовала.

— „Все она — Цыциль проклятая — виновата, съ Александромъ съ эстимъ цѣловалась, за Лизанькой *) не досмотрѣла, Лизанька простудилась, коклюшъ схватила, кашлямши себѣ бокъ сломала, оттого теперь и воспаленіе“.

---

*) Княжна Елизавета Николаевна, замужемъ за М. М. Осоргинымъ, родилась въ 1865 г.

Съ этой преданностью сочеталась у ней отсутствующая у насъ фамильная гордость за насъ.

Въ своемъ самосознанiи она была „не простая няня, Трубецкая няня“; перейдя впослѣдствiи няней къ одной замужней моей сестрѣ она величала себя эпитетомъ „родовая и потомственная“.

Завѣщая младшему моему брату часы своего умершаго сына, она при этомъ говорила:

— „Будешь меня, Гришенька*), хоронить, спросятъ тебя, кого Трубецкой третiй хоронишь? — Няню, скажешь, не простую няню, родовую, потомственную, Трубецкую няню“.

— „А чьи на тебѣ, Трубецкой третiй, часы. — Нянины, скажешь, родовой, потомственной няни.“

Рядомъ съ этимъ она мечтала при жизни увидать величiе своего любимца.

— „Гришенька, доживу ли я до того, что тебя сдѣлаютъ графомъ?“

Когда ей объясняли, что онъ и такъ уже князь, она не смущалась.

— „Пусть онъ будетъ родомъ князь, а по заслугамъ графъ.“

Съ борьбой „отцовъ и дѣтей“ пришлось и ей столкнуться, о чемъ мы слышали очаровательные „нянины разсказы“. Узнавъ, что мы двое съ братомъ, въ то время уже гимназисты, — увлекаемся философiей, она не на шутку встревожилась.

— „ Знаю эту вашу философiю! Это значитъ, — нѣтъ ни Бога, ни царя, ни няни. Родители — такъ себѣ, между прочимъ. Нѣтъ, уже вы это оставьте! Вотъ

*) Кн. Григорiй Николаевичъ, род. 1873 г., былъ посланникомъ въ Сербiи.

Няня Өедосья Степановна

у меня племянникъ былъ, ни за что пропалъ отъ этой философіи. Ужъ сколько его отецъ ложкой по головѣ билъ, а онъ все свое. Все провергаетъ; плохо жилъ, плохо и кончилъ. Вѣрите ли, въ три дня скрутился и померъ. Сколько разъ я говорила сыну — не слушай его, Алешенька. А онъ мнѣ — „Упрусь“, говоритъ, „маменька, не дамся ему“.

Впрочемъ на старости лѣтъ ея отношеніе къ философіи нѣсколько измѣнилось. Однажды ее застали за чтеніемъ философскаго труда моего брата Сергѣя, въ то время уже профессора московскаго университета. На вопросъ, понимаетъ ли она прочитанное, она отвѣчала.

— „Какъ вамъ сказать? Политику тронешь — религія качается. Религію тронешь — политика качается. А какъ до Бога и истины дойдетъ, я все понимаю.“

Къ „истинѣ“ у няни было совершенно особенное благоговѣніе. Помнится, опасаясь, что мой младшій братъ, въ то время еще гимназистъ, кѣмъ-то увлекается, она его наставляла:

— „Гришенька, до семнадцати лѣтъ молодой человѣкъ долженъ любить одну только истину.“

Собственная роль ея въ жизни для нея связывалась съ мыслью о церкви.

— „Вы надо мной смѣйтесь, смѣйтесь, да не очень. Слыхали, какъ насъ, няней, за обѣдней поминаютъ: „И мамы ко Господу“. А вотъ про васъ шалуновъ, что въ церкви шалятъ, зѣваютъ, да громко разговариваютъ, иначе сказано: — „Поюще, вопіюще, зѣвающе и глаголюще“.

О благолѣпіи стоянія въ церкви она оченъ заботилась. Помню, въ Ахтыркѣ, какъ она, бывало, стояла съ моей маленькой сестрой Ольгой въ церкви: чтобы „ребенокъ не плакалъ", она поминутно опускала въ кружку у распятія тяжелыя мѣдныя монеты: „бухъ, бухъ, бухъ"... Подъ аккомпанементъ этого буханья „ребенокъ молился", а я слыщалъ тутъ же озабоченный шопотъ Мама: „Il me semble que la bonne se ruine!"

Послѣдній посмертный ея подарокъ былъ маленькія иконы для каждаго изъ насъ — благословеніе няни. Главнымъ образомъ на это она завѣщала небольшія средства, накопленныя за долгое у насъ служеніе. Другое же, нематеріальное ея завѣщаніе выражается въ послѣднихъ ея словахъ, сказанныхъ незадолго до смерти моему младшему брату:

— „Гришенька, держи себя почище."

Память ея, согласно ея волѣ, увѣковѣчена столь-же краткой, сколь и краснорѣчивой надписью на ея могилѣ: „Няня Трубецкихъ".

Это былъ одинъ изъ яркихъ образовъ, неотдѣлимыхъ отъ поэзіи нашей дѣтской и отъ духовнаго ея содержанія. Иное дѣло — бонны и гувернантки или, какъ няня ихъ называла иногда съ высоты своего достоинства, — „губерняньки". Эти мелькаютъ въ моихъ воспоминаніяхъ не какъ типы, а какъ еле очерченные и быстро исчезающіе силуэты, при чемъ самая быстрота исчезновенія большинства изъ нихъ указываетъ, что ни прочныхъ корней въ нашей жизни, ни сколько-нибудь существеннаго отношенія къ духу нашей дѣтской онѣ не имѣли.

Была, напримѣръ, мадамъ Швальбахъ, которую моя маленькая сестричка Ольга называла, картавя, „мадамъ шабака“ — старушка пiэтистка, которая по утрамъ, закрывая глаза съ выраженiемъ глубокаго и всегда одинаково огорченнаго умиленiя, гнусавила старческимъ фаготомъ:

„Chaque jour de ma vie
Je vais dire au Seigneur:
Toi qui me l'as donnée
Montre m'en la valeur“.

Разъ эту молитву запѣла одна моя тетушка, но была тутъ же прервана дѣтскимъ возгласомъ одной изъ моихъ сестеръ:

— „Нѣтъ, тетя, это ты не такъ! Надо сначала заклыть глаза, оголчиться, а потомъ ужъ пѣть“.

Впослѣдствiи этой тетушкѣ стоило большихъ усилiй не расхохотаться на лекцiи знаменитаго пiэтиста Рэдстока, когда тотъ, въ подъемѣ проповѣдническаго пафоса, совершенно такъ же сталъ „оголчаться и заклывать глаза“.

За пiэтисткой Швальбахъ послѣдовала милая, но нѣсколько легкомысленная M-lle Ménetrey, днемъ весело болтавшая съ нами, а вечеромъ, а то и ночью скакавшая „en troïka à Troïtza“ или, все равно, — „à Strelna avec des messieurs“.

Неравнодушный къ женскому полу и не лѣзшiй за словомъ въ карманъ докторъ-акушеръ, французъ Михаилъ Осиповичъ Вивьенъ, аккуратно появлявшiйся въ Ахтыркѣ передъ всякимъ прибавленiемъ нашего семейства, бывало, обращался къ ней запросто:

— „Mademoiselle Ménetrey, peut on pénetrer?"

Помню, какъ она, кокетничая со студентомъ Александромъ Петровичемъ, вскакивала на стулъ и, дѣлая глазки, говорила:

— „Alexandre Petrovitsch, я више васъ".

Успѣхъ былъ полный: она его въ себя влюбила и на себѣ женила, а французъ гувернеръ Голяшкиныхъ выражалъ соболѣзнованіе:

— „Pauvre garcon, il s'est laissé attrapper. En voilà un qui s'est laissé pendre la corde au coup, va!"

Впрочемъ, въ общемъ M-lle Ménetrey была довольно доброе существо: мы, дѣти, прозвали ее за ея ростъ и кокетство — „malenka, milenka".

За гувернантками слѣдовалъ гувернеръ M. Héberard, совсѣмъ молодой человѣкъ, сочетаніе комической важности и мальчишества.

Сначала онъ внушилъ намъ большое уваженіе тѣмъ торжественнымъ видомъ, съ какимъ онъ произносилъ: „Eugène, aujourd'hui j'ai traduit deux vers d'Ovide". Намъ, въ то время еще не догадывавшимся о его кругломъ невѣжествѣ, два стиха изъ Овидія казались крайнимъ предѣломъ учености.

Педагогическіе пріемы его съ нами были довольно элементарны. За шалость во время урока онъ простонапросто хваталъ за шиворотъ и выставлялъ за дверь. Чтобы этотъ пріемъ, черезчуръ часто практиковавшійся, не уничтожилъ окончательно ученія, часовой урокъ французскаго языка былъ раздѣленъ на множество частей: „lecture, dictée, dictionnaire, grammaire" и т. д. Когда кончалось „чтеніе", выгнанный возвращался для диктанта: „Eugène, la lecture est finie, venez pour le dictionnaire". Но тутъ же вы-

леталъ другой братъ и совершенно такъ же черезъ десять минутъ вызывался обратно: „Serge, le dictionnaire est fini, venez pour la grammaire!“

И вдругъ этотъ „строгій наставникъ“ принимался неожиданно шалить съ нами по дѣтски, завозилъ насъ на лодкѣ на островъ, гдѣ и покидалъ насъ, а мы, девяти—десятилѣтніе, бросались вплавь его догонять, послѣ чего всѣ трое, не одѣвшись, плясали на „необитаемомъ островѣ“, изображая дикихъ.

— „Seulement, Eugène, vous ne direz pas cela à madame votre mère. Oh, vous savez bien qu'on donnerait des millions pour avoir une mère comme la votre et qu'on ne l'aurait pas. Mais il ne s'agit pas de l'affliger, n'est-ce pas?“

И мы, чтобы „не выдавать товарища“, молчали. Быстро разгаданный моей матерью, monsieur Hébérard исчезъ отъ насъ черезъ три мѣсяца послѣ своего появленія. Мы плакали навзрыдъ, а Эбраръ, всегда твердившій намъ съ торжественной миной — „un homme ne pleure jamais“, къ величайшему нашему изумленію и радости тоже разрыдался.

Собственно всѣ эти смѣнявшія другъ друга безъ конца гувернантки, какъ и единственный гувернеръ — были не столько воспитателями, сколько орудіями нашего воспитанія — для французскаго языка и для прогулки. Самая суть воспитанія не ввѣрялась имъ, а исходила непосредственно отъ моей матери, которая не любила и не допускала рядомъ съ собою чьего-либо сильнаго посторонняго вліянія. Она хотѣла быть всѣмъ для своихъ дѣтей и достигла этого съ успѣхомъ, но поэтому рядомъ съ ней кому-либо другому было трудно быть

чѣмъ-нибудь, а „гувернантки“ были частью безцвѣтными, частью комическими, а иногда и просто ненужными фигурами. Исключительное значеніе няни въ нашей дѣтской объясняется единственно тѣмъ, что тутъ о конкуррирующемъ вліяніи, понятное дѣло, не могло быть и рѣчи.

Воспитаніе наше было слишкомъ интимнымъ и внутреннимъ, чтобы кто-либо могъ тутъ существенно помогать. Помню, какъ Мама готовила насъ къ первымъ нашимъ дѣтскимъ исповѣдямъ, читая Евангеліе. Страданія Христа и ужасъ человѣческаго грѣха, приведшій къ этому, такъ ярко изображались въ нашихъ душахъ, потрясающая повѣсть о Голгофѣ такъ захватывала, что мы всѣ плакали. Какое могло быть другое воспитаніе рядомъ съ этимъ, и кто другой могъ въ этомъ сотрудничать!

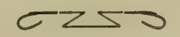
Роль „гувернантки“ или боны при этихъ условіяхъ волей-неволей становилась слишкомъ ничтожной; неудивительно, что нѣкоторыя изъ нихъ врѣзались въ память не столько сами по себѣ, сколько благодаря тѣмъ или другимъ пренебрежительнымъ или, напротивъ, покровительственнымъ словечкамъ няни.

— „Марьяна Прокофьевна, слышишь громъ гремитъ, веди дѣтей домой, нешто не знаешь, что Гришенькина голова электричество притягиваетъ!“

Няня слышала, что Гриша часто падаетъ оттого, что, при слабости его маленькихъ ногъ, его большая голова „перетягиваетъ“, и рѣшила, что голова „притягиваетъ“ электричество. Это едва ли не самое яркое, что я помню о Маріаннѣ Прокофьевнѣ, а эпитетъ „разбойникъ изъ Монбельяра, который при-

сягалъ русскихъ утрачивать" — самое яркое, что напоминаетъ нелюбимую нами M-lle Reiss.

Существенное, само по себѣ важное изъ моего дѣтства группируется, само собою разумѣется, не вокругъ этихъ образовъ. Это существенное внѣдрялось въ насъ самыми разнообразными способами, — взглядомъ, словомъ, молитвой, чтеніемъ Евангелія; но такъ или иначе оно почти цѣликомъ исходило изъ одного и того же средоточія. Помню, какъ неотразимо могуче было, благодаря вліянію Мама, первое дѣйствіе на наши души великихъ русскихъ писателей, какимъ праздникомъ для насъ были ея чтенія „Вечеровъ на хуторѣ" Гоголя и „Записокъ охотника" Тургенева. Помню, какъ я десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ до глубины души взволнованъ и потрясенъ разсказомъ „Муму", какъ она съумѣла по поводу этого разсказа заставить насъ сразу почувствовать весь ужасъ канувшей въ воду эпохи крѣпостного права. Я и до сихъ поръ не могу вспомнить „Муму", чтобы не вспомнить о ней. Такія воспоминанія не только врѣзываются въ память, они остаются на всю жизнь духовными двигателями. Живымъ свидѣтельствомъ о ихъ дѣйственной силѣ является другой дорогой мнѣ образъ.

VI.

Покойный братъ кн. С. Н. Трубецкой.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, благоговѣйно встала, чтобы почтить одного изъ величайшихъ русскихъ гражданъ, она не подозрѣвала, какъ много значила въ жизни этого человѣка та дѣтская, въ которой онъ выросъ.

Покойный братъ мой, кн. С. Н. Трубецкой, старшій сынъ моей матери, родился въ 1862 году въ Ахтыркѣ, и все то прекрасное, что въ немъ было, представляетъ собою жизненное продолженіе и завершеніе той ахтырской духовной атмосферы, которая была здѣсь описана.

Въ этой атмосферѣ онъ до конца своихъ дней жилъ всѣмъ своимъ сердцемъ; а сердце — несомнѣнно — самое высшее въ человѣкѣ и самое большее, что онъ можетъ дать людямъ. Самое яркое изъ моихъ раннихъ воспоминаній о его дѣтствѣ есть именно воспоминаніе объ этомъ сердцѣ. Я былъ тогда малъ, очень малъ. Мы шли съ лопатами — копать нашъ ахтырскій садъ-огородъ, тотъ самый, о которомъ было уже мною здѣсь упомянуто. По дорогѣ мы оба залюбовались какой-то необыкновенно красивой бабочкой; я ее тутъ же поймалъ и съ дѣтскимъ легкомысліемъ разорвалъ ей крылышки. Никогда не забуду того, что тутъ сдѣлалось съ Сережей; онъ весь задрожалъ, заплакалъ, закричалъ

Кн. Сергѣй Николаевичъ Трубецкой

и сильно ударилъ меня лопатой по ногѣ. Послѣ того мы оба долго ревѣли, я — отъ боли и отчасти отъ стыда, а онъ — отъ ужаса передъ тѣмъ, что я сдѣлалъ. Такъ онъ съ ранняго дѣтскаго возраста воспринималъ страданія живой твари.

Помню впослѣдствіи, въ революціонные годы, какъ онъ, тогда уже профессоръ московскаго университета, былъ весь въ хлопотахъ о несчастной молодежи, томившейся въ тюрьмахъ. Помню его взволнованный, исполненный глубокимъ состраданіемъ разсказъ объ одной молоденькой барышнѣ, сидѣвшей въ тюрьмѣ и перестукивавшейся съ женихомъ, сидѣвшимъ рядомъ. Этого молодого человѣка она видѣла разъ, всего только одинъ разъ въ жизни, когда его провели мимо нея въ другую камеру, и безъ памяти его полюбила. Чувства съ обѣихъ сторонъ передавались посредствомъ стука изъ камеры въ камеру. Потомъ ее освободили, его куда-то сослали, и она теряла надежду его увидать...

Меня поразила эта сила душевной боли брата о совершенно чужой, почти незнакомой ему барышнѣ. И мнѣ тутъ же необыкновенно живо вспомнилась только что описанная сцена изъ ранняго его дѣтства. Это была все та же боль о бабочкѣ съ разорванными крылышками. И въ этомъ чувствѣ онъ былъ весь, самой сердцевиной своего существа.

Но откуда же взялась эта сердцевина? Вспоминаю бурное негодованіе и бунтъ Мама о высѣченномъ дворовомъ и думаю: это ея душа въ немъ говорила, другихъ любила и за другихъ страдала. — И весь его обликъ тутъ: отъ этого негодованія,

отъ этой боли за другихъ, за всю несчастную Россію, онъ сгорѣлъ и умеръ. „Либерализма“ въ холодномъ, разсудочномъ значеніи этого слова въ немъ было такъ же мало, какъ и въ моей матери. Не разсудокъ, а любовь, горѣвшая въ его сердцѣ заставляла его чувствовать всякую живую тварь, терзаться о всякомъ униженіи человѣческаго достоинства и бурно негодовать противъ мучителей.

Это была безконечно даровитая природа. — Я — его братъ и сверстникъ (я моложе его на годъ), учившійся съ нимъ вмѣстѣ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ на одной скамьѣ въ гимназіи, потомъ его единомышленникъ въ философіи — могу удостовѣрить, что онъ, какъ фолософъ, не далъ и десятой доли того, что онъ могъ дать русской философіи. Онъ унесъ съ собой въ могилу безпредѣльное множество мыслей, столь же цѣнныхъ, сколь и глубокихъ, коихъ онъ не успѣлъ даже набросать на бумагѣ. Все имъ написанное и изданное было въ сущности лишь блестящимъ предисловіемъ къ тому, что онъ хотѣлъ, но не успѣлъ высказать.

Отчего не успѣлъ? Это была одна изъ самыхъ рѣдкихъ въ мірѣ трагедій. Не успѣлъ онъ оттого, что его талантъ былъ принесенъ имъ въ жертву его сердцу. Всего шестнадцать лѣтъ продолжалась его литературная дѣятельность, началась въ 1889 и оборвалась въ 1905 году, когда онъ умеръ. Помнится, въ теченіе этого времени ему было почти всегда некогда заниматься любимымъ дѣломъ — философіей. Почему некогда? Потому что Россія тогда переживала исключительно тяжелыя предродовыя муки, а средо-

точіемъ этихъ мукъ былъ университетъ, которому онъ отдавался. Чѣмъ занимался онъ въ то время? То ѣздилъ къ властямъ — упрашивать за какихъ-либо заключенныхъ, то скакалъ въ Петербугъ — молить, чтобы не были сосланы поголовно въ Сибирь участники многолюдной сходки, то тщетно пытался предотвратить нависшую надъ молодежью угрозу солдатчины, то изыскивалъ мѣры, чтобы какъ-нибудь спасти университетъ, то отдавалъ все свое время студенческому обществу или поѣздкѣ со студентами въ Аѳины, потому что у него сердце болѣло о молодежи, нерѣдко забывавшей изъ-за „политики“ высшіе интересы культуры.

Мой отецъ жертвовалъ своимъ достояніемъ и раззорялся частью ради музыки, частью ради дорогихъ ему людей. Мой братъ Сергѣй сдѣлалъ больше: онъ принесъ въ жертву самую внутреннюю свою музыку, свою философію ради того, что больше и философіи, и музыки — ради любви. Казалось бы, что можетъ быть больше для философа, чѣмъ уходъ въ тотъ внутренній слухъ, которымъ онъ слышитъ міръ. Есть ли выше на свѣтѣ наслажденіе, чѣмъ это забвеніе всего, всего окружающаго и наполненіе ума и души изъ невидимаго. Когда мнѣ вспоминается образъ брата, я чувствую, что и для философа есть нѣчто высшее, гораздо высшее. Нельзя уйти въ прекрасный внутренній міръ, когда рядомъ съ вами томится въ предродовыхъ мукахъ безконечно дорогое вамъ существо. А что, если это существо вамъ даже не жена и не мать, а что-то еще большее, ваша родина? Что если опасность для нея такова, что вы каждый день и каждый часъ

себя спрашиваете — жива ли Россія, останется ли она въ живыхъ, родится ли изъ ея мукъ нѣчто святое, великое, сверхчеловѣческое, или она умретъ, не родивши? Кто это чувствуетъ, тотъ пойметъ, что есть минуты, когда уходить во внутреннюю музыку — безнравственно, и что ради любви можно принести въ жертву самый свой талантъ.

Иногда кажется, что онъ просто-напросто растрачивается попусту. Что больше — философское творчество, откровеніе потусторонняго на землѣ черезъ духовный къ нему подъемъ или ни къ чему не приводящія хлопоты объ университетѣ? Что выше — пиѳагорова „музыка сферъ“ или политическая дѣятельность и публицистика? Есть минуты въ исторіи, когда самая постановка такихъ вопросовъ есть фальшь. Пусть не приводитъ ни къ чему вся эта борьба публициста и политика за безконечно любимое и дорогое. Если бы этой борьбы не было — не было бы самаго главнаго, чѣмъ дорогъ человѣкъ, не было бы сердца у его внутренней музыки. А что такое философія и музыка безъ сердца? Что такое холодная мысль и холодная эстетика, какъ не обольстительная ложь? Даже безпомощное барахтанье въ политикѣ цѣннѣе такой мысли и такой эстетики, если только оно идетъ изъ глубины сердца. Пусть внѣшній практическій результатъ такой дѣятельности ничтоженъ: у нея есть безконечно цѣнный внутренній результатъ. — Человѣкъ, отдающій любви всѣ дары своей природы, рождаетъ въ міръ высшую нетлѣнную красоту, красоту духовнаго человѣческаго об-

лика. А это и есть та жемчужина, за которую слѣдуетъ все отдать. И никогда такая жемчужина не пропадаетъ для міра, потому что бисеръ топчутъ только свиньи, но не люди. Эти духовныя жемчужины остаются для будущаго тѣми пророческими внушеніями и прообразами, вокругъ которыхъ кристализируется и собирается впослѣдствіи все лучшее, что есть въ мысли и волѣ цѣлаго народа.

Разъ для брата Сергѣя высшимъ въ человѣкѣ было его сердце, а не талантъ, — его сердце и должно быть поставлено въ центрѣ его характеристики. Но, чтобы глубина его сердца стала понятною, надо ясно представить себѣ, чѣмъ онъ жертвовалъ.

Онъ былъ сыномъ своихъ родителей; у него, какъ и у нихъ, была музыкальная душа. Что ярче всего выдѣляется въ моихъ дѣтскихъ о немъ воспоминаніяхъ? Это — образъ какого-то неутомимаго и безконечно жизнерадостнаго творчества дѣтской фантазіи. Черезъ эту фантазію онъ пропускалъ все то, чѣмъ мы были съ дѣтства окружены. Ребенокъ всегда „подражаетъ взрослымъ", и въ этомъ подражаніи заключается главный интересъ его жизни. Когда же это подражаніе талантливо, онъ подчиняетъ себѣ воображеніе своихъ сверстниковъ, командуетъ ими и руководитъ ихъ играми. У насъ такимъ заправилой всегда былъ братъ Сережа, распредѣлявшій всѣмъ намъ роли и подчинявшій своему творчеству всю многолюдную нашу дѣтскую ватагу. Чего-чего тутъ не бывало. То онъ увидитъ похороны генерала на улицѣ, и мы всѣ нѣсколько дней подрядъ „хоронимъ Лужина", носимъ подобіе орденовъ

на подушкѣ и ѣздимъ за ними въ „саняхъ“, т. е. въ опрокинутыхъ на полъ стульяхъ. То мы всѣ „ѣдемъ въ Ахтырку“, для чего изъ стульевъ составляется безконечно длинный поѣздъ, а онъ „кондукторомъ“ отбираетъ билеты. То вдругъ, вернувшись съ чьей-то свадьбы, онъ придумываетъ „женить“ меня на комъ-либо изъ сестеръ. Надъ головами вѣнчающихся держатъ вмѣсто вѣнцовъ деревянные кирпичи и при этомъ поютъ: „Пресвятое прижененіе, моли Бога о насъ“.

Все это — въ раннемъ, конечно, очень раннемъ возрастѣ. Но, чѣмъ больше мы становимся, тѣмъ больше фантазія Сережи одухотворяется, и тѣмъ больше въ наши игры проникаетъ... музыка. Насъ начинаютъ возить въ театръ, и мы тотчасъ воспроизводимъ либо „Конька Горбунка“, либо другой балетъ — „Сатаниллу“ — съ огнемъ и адомъ. Мама играетъ на рояли, подъ ея музыку проходитъ весь балетъ, но организаторомъ является Сережа. Онъ придумываетъ какъ изобразить посредствомъ транспаранта огненный фонтанъ, какъ воспроизвести морское дно навѣшанными на веревку золотыми рыбками, снятыми съ елки. Онъ вырѣзываетъ изъ бѣлой бумаги сѣдую бороду для „хана“ и надѣваетъ эту бороду на младшую изъ сестеръ. Ему же приходитъ въ голову изобразить „адское пламя“ яркой вспышкой какой-то пудры, которую сыплютъ на свѣчку. Благодаря этимъ представленіямъ я и сейчасъ помню наизусть всю музыку „Конька Горбунка“. Еще позже въ наши игры вторгается Рубинштейнъ съ его консерваторіей и мы, подражая голосамъ пѣвцовъ и пѣвицъ, воспроизводимъ консерваторскій

спектакль — ораторію Мегюля „Прекрасный Іосифъ“, при чемъ Сережа всегда и режиссеръ, и исполнитель главной роли.

Потребность такихъ „игръ“ у него сохранилась много послѣ дѣтскихъ годовъ, въ наши студенческіе годы, когда онъ организовалъ необыкновенно блестящія шарады или даже цѣлыя оперетки, для которыхъ онъ составлялъ текстъ, а талантливый его пріятель — Кислинскій — сочинялъ музыку.

Въ дѣтскихъ играхъ, а потомъ въ юности въ шуточныхъ стихотвореніяхъ, въ забавныхъ разсказахъ для дѣтей, въ комическихъ „драмахъ“, въ особенности же въ шарадахъ и опереткахъ, текстъ коихъ къ счастью сохранился, онъ расходовалъ избытокъ своего вѣчно брыжжущаго остроумія и даровъ творческой фантазіи. Но это были шутки; настоящимъ — внутреннимъ дѣломъ его была философія, при томъ не просто философія, а философія, насквозь одухотворенная той горячей вѣрой, которая шла изъ глубины сердца. Тутъ опять въ мыслителѣ и взросломъ чувствовался ребенокъ и та „дѣтская“, въ которой онъ выросъ.

Самое имя „Сергій“ не случайно было ему наречено при крещеніи. Ахтырка, гдѣ онъ родился, находилась всего въ тринадцати верстахъ отъ Троицко-Сергіевской лавры и всего въ пяти верстахъ отъ Хотьковскаго женскаго монастыря, гдѣ погребены родители св. Сергія — Кириллъ и Марія. Хотьковымъ и лаврой полны всѣ наши ахтырскія воспоминанія. Въ лавру совершались нами — дѣтьми — частыя паломничества, тамъ же похоронили и дѣдушку Трубецкого; а образъ св. Сергія висѣлъ надъ

каждой изъ нашихъ дѣтскихъ кроватей. Нужно ли удивляться, что міросозерцаніе моего брата, а въ особенности внутренняя музыка его существа — насквозь насыщены густымъ звономъ лаврскихъ колоколовъ и носятъ на себѣ печать великой народной русской святыни.

Эти и другія, сродныя лаврѣ, впечатлѣнія и были, думается мнѣ, точкой опоры всего его творчества. Что такое эта лавра? Извѣстно, что св. Сергій поставилъ соборъ св. Троицы какъ образъ единства въ любви, дабы, взирая на тотъ образъ, люди побѣждали въ себѣ ненавистное раздѣленіе міра. Мы, дѣти, конечно, этого не знали, когда росли, но яркое жизненное воплощеніе мысли св. Сергія, такъ или иначе, нами воспринималось. Образъ любви, собирающей народъ и организующей его въ соборъ, сильно врѣзался намъ въ душу. И мы прекрасно знали и чувствовали, что этимъ образомъ Россія когда-то созидалась и спасалась. Любовь къ сверхнародному — Божьему и любовь къ родному — русскому тутъ были одно. Люди, погруженные въ созерцаніе всеединства въ любви, не задумываясь отказывались отъ этого созерцанія и выходили на брань изъ стѣнъ монастыря, когда родина была въ опасности.

Когда я вспоминаю жизнь моего брата Сергѣя, мнѣ всегда кажется, словно въ немъ чувствовалась мысль и воля этого святого — его святого — исповѣдника соборности, который училъ — прежде всего любить, а потомъ уже созерцать.

Была въ нашей юности пора отчужденія отъ этого троицкаго и подчиненнаго ему ахтырскаго

міра. Въ гимназіи мы продѣлали нигилизмъ. Тогда, въ отвѣтъ на призывы моей матери — жить больше сердцемъ, чѣмъ холоднымъ разсудкомъ, Сережа, проникнутый естественно-научной бюхнеровщиной шестидесятыхъ годовъ, развязно отвѣчалъ:

— „Мама, сердце есть полый мускулъ, разгоняющій кровь вверхъ и внизъ по тѣлу.“

Мама огорчилась и, чтобы ее утѣшить, я тутъ-же заявилъ, что я глубоко уважаю Іисуса Христа. Тутъ, совершенно для меня неожиданно, Мама горько заплакала. Она была готова скорѣе помириться съ чѣмъ угодно — съ пламеннымъ отрицаніемъ, съ враждою противъ вѣры; но „уваженія“ къ Іисусу Христу она перенести не могла.

Много ребяческаго было въ этомъ отрицаніи и въ сопровождавшихъ его выходкахъ. Мы демонстративно ѣли колбасу на Страстной недѣлѣ на бульварѣ, ходили по церквамъ шаловливой толпой, чтобы смущать старушекъ, и, постоявъ пять минутъ, шумно выходили, дѣтски радуясь, когда за нами вслѣдъ раздавался негодующій старушачій возгласъ: — „Башибузуки проклятые!“

Но это продолжалось недолго. Уже въ восьмомъ классѣ гимназіи философское исканіе привело его, а вслѣдъ за нимъ и меня, обратно къ той самой духовной точкѣ опоры, которая такъ сильно чувствовалась въ нашемъ дѣтствѣ, въ Ахтыркѣ, въ Хотьковѣ и въ лаврѣ. Это было не простое возвращеніе вспять. Мой братъ вернулся къ своему святому съ сердцемъ и мыслью глубоко образованнаго человѣка XIX столѣтія, съ душою, полной музыкой Рубинштейна, съ умомъ, окрѣпшимъ

и воспитавшимся на изученіи великихъ философовъ эллинскихъ и германскихъ. Платонъ, Кантъ, Фихте, Шопенгауеръ, Соловьевъ, тогда уже написавшій свои раннія произведенія, были изучены имъ уже въ гимназіи; въ гимназіи же прочитана и исторія новой философіи Куно-Фишера. И все это было имъ отдано на алтарь, къ которому онъ вернулся. Все это „образованіе“ было осмысленно одной его мыслью — мыслью св. Сергія: „Все для любви, которая собираетъ.“ Помню, съ какимъ воодушевленіемъ онъ мнѣ доказывалъ, что всѣ великіе люди въ мірѣ, всѣ Наполеоны, Канты и многіе другіе, не стоютъ одной любящей души, и приводилъ въ примѣръ одну тетушку нашу — Марью Алексѣевну Лопухину, не видавшую въ жизни своей личной радости потому, что всю свою радость и душу она отдала другимъ.

— „Увѣряю тебя, говорилъ онъ, что тетя Маша, а не они — великій человѣкъ.“

Этимъ окрылялась его мысль, для этого звучала въ его душѣ и музыка, которую онъ страстно любилъ. Отсюда же рождались яркіе образы, которыми наполнялось его воображеніе.

Его юношескія вдохновенія, философскія мечты его студенческихъ годовъ, которымъ не было суждено созрѣть для печати, были полны образомъ любви, собирающей міръ и претворяющей хаосъ въ космосъ. Я знаю, что онъ незадолго до окончанія университетскаго курса работалъ надъ сочиненіемъ о св. Софіи, которое онъ считалъ главною своею философской задачей, но рукописи его я не видалъ и не знаю, уцѣлѣла ли она. Но не-

Князья Сергѣй и Евгеній Николаевичи Трубецкіе

большой этюдъ его объ астрологіи я читалъ въ юности. Этотъ этюдъ, кажется, уцѣлѣлъ, и есть надежда, что онъ будетъ розысканъ его дѣтьми.

Помнится, это было необыкновенно красивое, необыкновенно характерное для него построеніе, навѣянное ночнымъ созерцаніемъ безчисленныхъ міровъ. Основная мысль его резюмировалась извѣстнымъ изреченіемъ апостола: „Ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ; звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ“. — Нѣтъ таинственнѣе загадки, чѣмъ эти безчисленные огни, горящіе надъ нами. Міры оторваны въ безконечномъ пространствѣ и взаимно отчуждены въ своемъ безконечномъ отдаленіи. Но въ предвѣчной любви собранъ этотъ распавшійся на части міръ; въ предвѣчномъ замыслѣ все едино — и звѣзды, и мы, люди, которые ихъ созерцаемъ изъ нашего безпредѣльнаго отдаленія. Люди духовно связаны со звѣздами; и оттого-то говорится въ Писаніи о грядущей славѣ людей, облеченныхъ въ солнце и звѣзды. У каждаго — своя звѣзда не въ переносномъ, а въ буквальномъ значеніи слова. Ибо въ мірѣ, какимъ хотѣлъ и предвидѣлъ его отъ вѣка Богъ, нѣтъ мертваго вещества. Все вещество должно собраться вокругъ перворожденнаго всей твари — человѣка — и въ немъ одухотвориться. И, когда соберется вокругъ человѣка, очеловѣчится все земное и небесное, тогда міръ увидитъ человѣчество, облеченное въ солнце и звѣзды. Въ этомъ и заключается та грядущая слава человѣка и міра, о которой говорятъ слова апостола. Осуществится эта слава

въ полнотѣ своей въ концѣ вѣковъ. Но и сейчасъ судьба каждаго человѣка духовно связана съ предназначенною ему звѣздою, и въ этомъ заключается правда астрологіи.

У меня нѣтъ подъ руками ни этого этюда, ни другихъ произведеній покойнаго брата, о которыхъ я знаю только изъ его разсказовъ, далеко не въ полномъ видѣ сохраненныхъ моей памятью. Но я не сомнѣваюсь, что центральныя, первыя его мысли — тѣ мысли, которыми онъ жилъ, выразились именно въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ, а не въ тѣхъ ученыхъ трудахъ которые увидѣли свѣтъ.

Понятно, почему это случилось. Въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ онъ непосредственно, молодо, а поэтому, быть можетъ, иногда и наивно высказывалъ то, что онъ больше всего любилъ, и то, для чего онъ жилъ. Но къ любви своей онъ относился съ особымъ цѣломудріемъ, которое составляетъ отличіе подлиннаго мистика, и съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое боится оскорбить свою святыню грубымъ къ ней прикосновеніемъ или неудачной попыткой выразить въ словахъ неизреченное... А кромѣ того онъ, вѣрившій, что сердце человѣческое есть око, которымъ познается высшее откровеніе Духа, былъ чуждъ той легкомысленной вѣры въ чистоту этого ока, которая составляетъ характерное отличіе многихъ современныхъ мистиковъ. Онъ не довѣрялъ своимъ интуиціямъ, тщательно провѣрялъ ихъ судомъ своей христіанской совѣсти и въ особенности тщательно готовился къ тому, что онъ считалъ своимъ главнымъ философскимъ дѣломъ. По причинамъ, о которыхъ уже было здѣсь

упомянуто, приготовленія эти были прерваны смертью, и самыя дорогія, главныя для него мысли такъ и остались невысказанными.

Всего какихъ-нибудь десять лѣтъ со дня вступленія его на литературное поприще, съ 1889 по 1899 годъ, а можетъ-быть и того меньше, онъ могъ отдаваться величайшему для философа счастью погруженія въ мысль и созерцанія духовнаго. Потомъ начались тѣ тяжелыя предродовыя муки Россіи, которыя съ удвоенной силой переживались всѣми тѣми университетскими дѣятелями, которые горячо и глубоко любили нашу учащуюся молодежь, тогда шедшую въ авангардѣ всего общественнаго движенія. Помню одно тревожное письмо, полученное мною отъ него года за два, за три до его кончины. Оно было написано изъ деревни подъ впечатлѣніемъ нескончаемыхъ ливней, мѣшавшихъ убрать обильный урожай. „Вотъ такъ-то и я съ своими мыслями," писалъ онъ мнѣ, „много ихъ накопилось въ результатѣ цѣлой умственной жизни. Жить осталось не много, надо торопиться убрать на зиму все, что можно собрать изъ этой умственной жатвы,— только бы не опоздать." Увы, предчувствіе его не обмануло. — Онъ и въ самомъ дѣлѣ опоздалъ съ уборкой. Когда подумаешь, какія умственныя цѣнности благодаря этому погибли, на душѣ становится безконечно больно. Но боль эта претворяется въ радость, когда вспоминаешь о томъ, ради чего онѣ погибли.

Умственныя созерцанія, мысленныя богатства были отданы въ жертву той любви, которая испепелила его сердце. Сердце не выдержало этихъ мукъ за Россію, и онъ умеръ въ самомъ расцвѣтѣ своихъ

силъ. Но именно благодаря этому, казалось бы, преждевременному концу, въ мірѣ было явлено то, что безконечно выше и науки, и философіи, и всего того, что есть великаго въ мысли. — Было явлено великое человѣческое сердце. Ему, утверждавшему, что никѣмъ не вѣдомое существо, отдавшее душу на алтарь любви, превыше всѣхъ Наполеоновъ и Цезарей вмѣстѣ взятыхъ, было дано совершить тотъ самый подвигъ, который онъ считалъ высшимъ счастьемъ для человѣка. Неужели же этотъ подвигъ не вознаграждаетъ и его, и Россію за все то, что въ немъ и вмѣстѣ съ нимъ ушло въ могилу. Когда просвѣтляется и прославляется человѣческій образъ, — то тѣмъ самымъ сохраняется на вѣки для потомства и утверждается все его духовное содержаніе. Ибо этотъ живой, говорящій образъ сильнѣе и могущественнѣе всякой мысли дѣйствуетъ на человѣческія души. Въ этомъ человѣческомъ ликѣ — вся та духовная жатва, которую не успѣла „убрать на зиму“ человѣческая рука, вся та философія, которой не дано было выразить его философскимъ произведеніямъ.

Онъ съ юныхъ лѣтъ жилъ мечтою о грядущемъ человѣчествѣ, облеченномъ въ солнце и звѣзды. Но какъ доказать, что это не мечта, а правда. Мысль отвлеченная никогда не бываетъ на высотѣ этой задачи, потому что неизреченное можно только явить, но не доказать. Чтобы люди услышали „музыку сферъ“, чтобы они были озарены хоть слабымъ отблескомъ грядущей „звѣздной славы“, для этого нужно, чтобы передъ ними предсталъ дѣйствительно свѣтлый человѣческій обликъ. Для этого

человѣкъ долженъ не писать о звѣздахъ, а на дѣлѣ стать звѣздой для грядущихъ поколѣній. Блаженны тѣ, кому это удается.

Блаженны и тѣ, кто ихъ родили, воспитали и вырастили. Всѣ тѣ, кому дорогъ образъ мыслителя и великаго русскаго гражданина — кн. С. Н. Трубецкого, должны помнить, что этотъ образъ — духовный даръ Ахтырки и ея завѣщаніе — Россіи. Все ахтырское прошлое, въ его душѣ очищенное и просвѣтленное, отдано на служеніе родинѣ. Въ ней чувствуется и рѣдкое благородство архитектурныхъ линій жизни, и могучій внутренній подьемъ музыкальныхъ душъ его отца и матери, и весь прекрасный звучащій міръ. рубинштейновскаго творчества; но сильнѣе всего и громче всего — тотъ призывъ лаврскаго колокола, который вѣщаетъ міру: „Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою полижитъ за други своя.“

30 марта 1917 г.

Оглавленіе.

